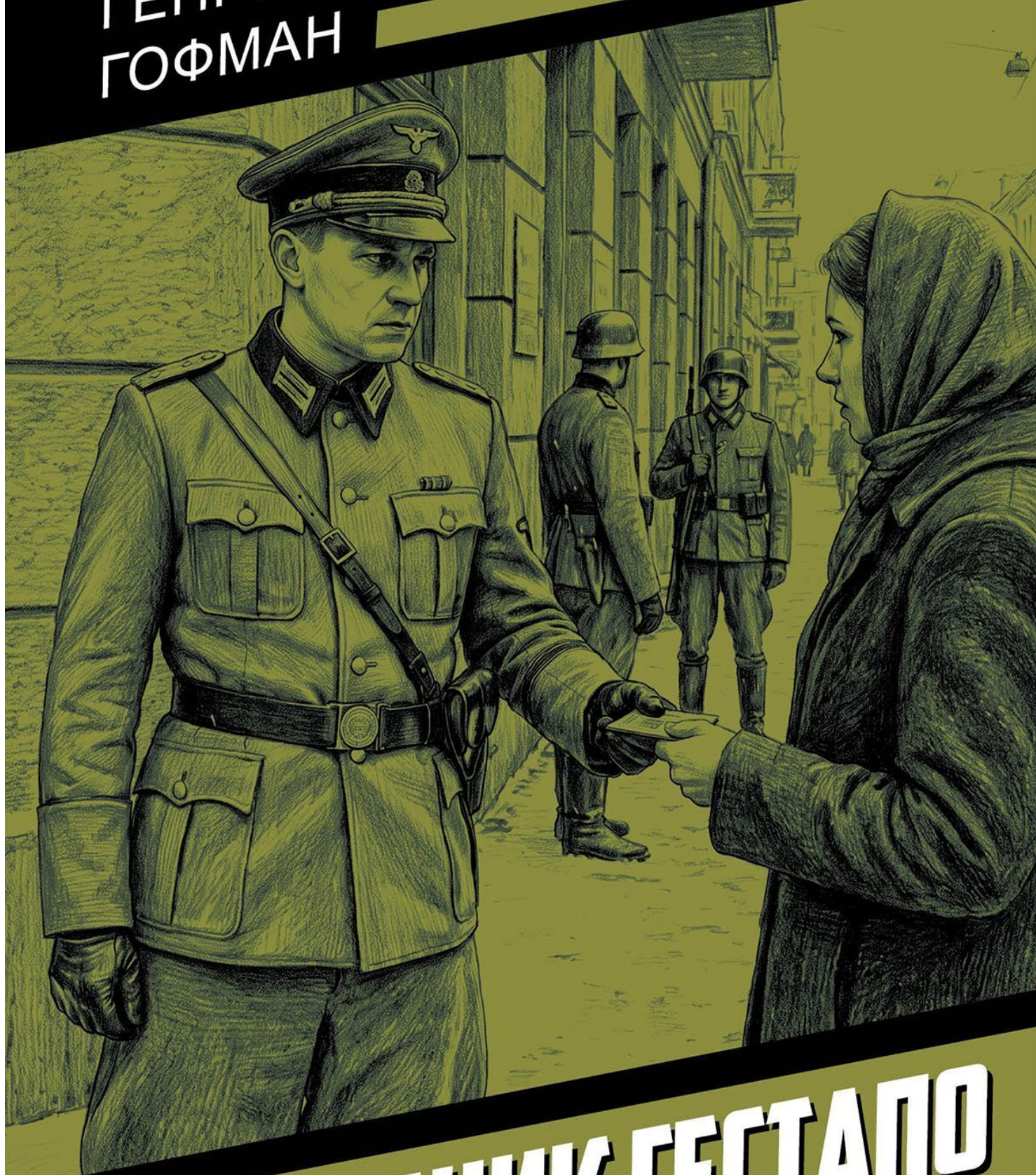

ГЕНРИХ
ГОФМАН

СОТРУДНИК ГЕСТАПО
ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Тайный фронт

Генрих Гофман
Сотрудник гестапо

«Алисторус»

1978

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

Гофман Г. Б.

Сотрудник гестапо / Г. Б. Гофман — «Алисторус»,
1978 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-571-3

Эту книгу написал уникальный человек – Генрих Борисович Гофман (1922–1995). Летчик-штурмовик, звание Героя Советского Союза он получил в 1944 году. Автор книг «Взлет продолжается», «Испытатели», «Орлиное племя», он был и мастером остросюжетного жанра. Он был и мастером остросюжетного жанра. Это приключенческое повествование основано на одиссее выдающегося советского разведчика Льва Бренера – Леонида Дубровского, который действовал в оккупированном Донбассе и был опорой советского подполья в немецком тылу. Такие люди приближали победу, оставаясь неизвестными. Как определить, кто свой, кто чужой? Как не вызвать подозрения гитлеровцев? Удастся ли герою увидеть Победу? Читайте классический роман о советском разведчике.

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-571-3

© Гофман Г. Б., 1978
© Алисторус, 1978

Содержание

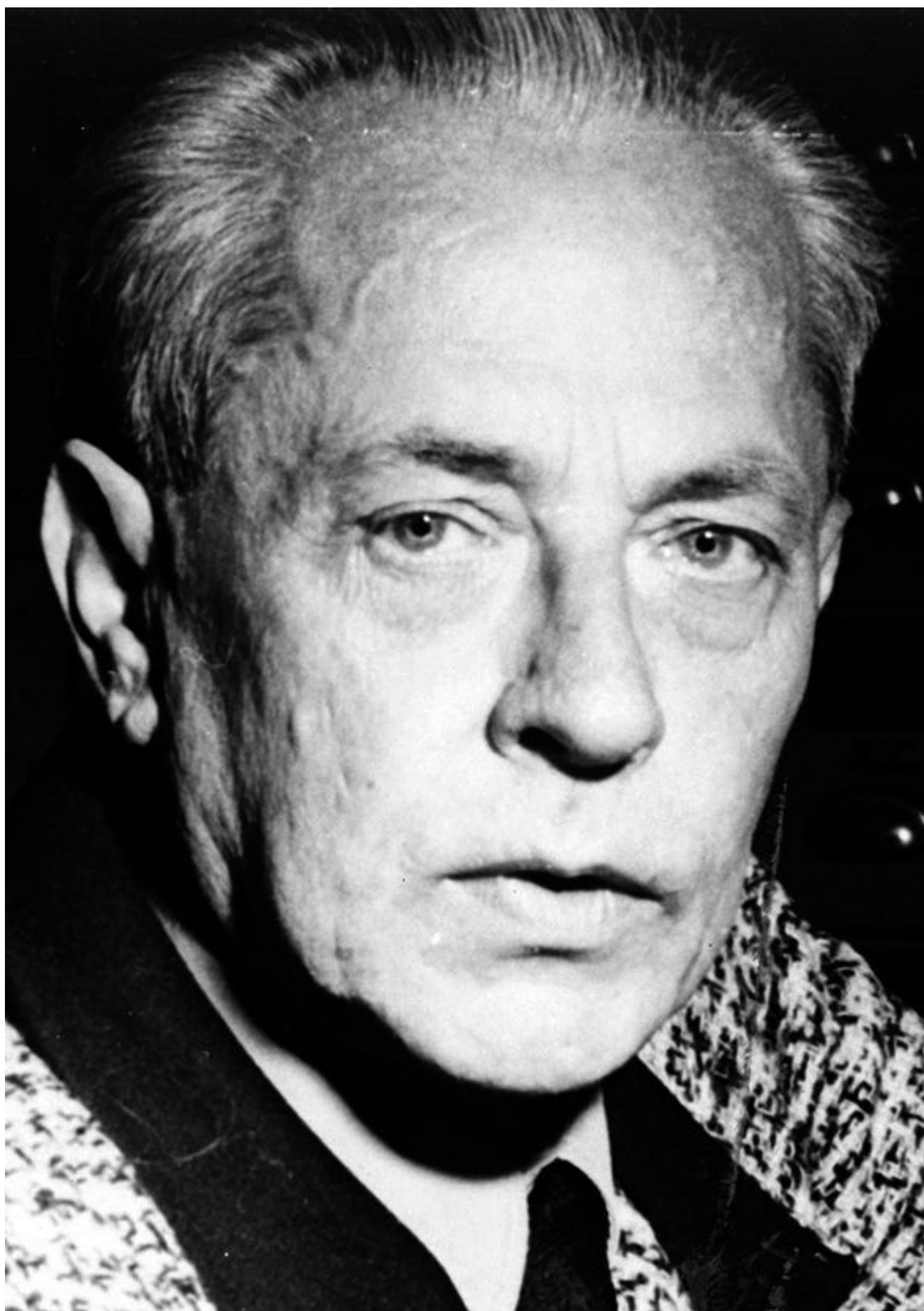
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	26
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Генрих Гофман

Сотрудник гестапо

© Гофман Г.Б., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Генрих Гофман

Глава 1

Холодный цементный пол подвальной камеры. Небольшая охапка старой пыльной соломы, на которую бросили Леонида Дубровского после допросов в службе безопасности города Алчевска. Тело еще ноет от жестоких побоев. Во рту солоноватый вкус крови. До рассеченной губы больно дотронуться языком. Нестерпимо печет рана, открывшаяся на правой ноге. А тут еще этот неугомонный шепот, словно в потревоженном улье: шелестят голоса людей, разместившихся по углам и вдоль стен мрачной камеры. Они отвлекают, мешают сосредоточиться.

«Неужели конец? Неужели конец?..»

Вспомнились слова капитана Потапова: «Малейшая оплошность и... капут». Перед мысленным взором возникла большая хата особого отдела третьей ударной армии, светлая комната, приспособленная под кабинет, и доброе, улыбочивое лицо капитана. В ушах прозвучал его мягкий, ласковый голос: «Леонид, на твою долю выпало ответственное и очень опасное задание. Тебе придется работать за линией фронта. Необходимо установить наличие вражеских разведорганов в Кадиевке и Артемовске. Командование располагает сведениями, что именно там готовятся вражеские агенты для засылки на нашу сторону. Постарайся внедриться в один из этих органов. Будешь выявлять немецкую агентуру: и ту, что заброшена к нам, и ту, которая только готовится. Теперь, после уничтожения армии Паулюса, наше новое наступление не за горами. Впереди Донбасс, Луганская область. Еще до прихода туда наша контрразведка должна знать агентуру гестапо и полиции, оставленную немцами при отступлении. Выявляй предателей, фашистских ставленников, бывших военнослужащих Красной Армии, перекинувшихся к врагу. Дело это трудное и рискованное. А расплата одна – жизнь. Малейшая оплошность и... капут, как говорят немцы».

Дубровский вспомнил, что при слове «капут» Потапов недвусмысленно провел рукой вокруг шеи. «Малейшая оплошность. Где же я ее допустил? Почему допрос вел сам начальник СД майор Фельдгоф? Почти три часа он с упорством твердил, что я советский разведчик. Но ведь и я с неменьшим упорством отрицал это. А какие у них улики? Улик нет. Может, схватили Пятеркина? Всего девять дней, как мы с ним расстались. Но если Виктор Пятеркин у них, тогда последовала бы очная ставка. Нет, Виктор дошел до Потапова, иначе они бы мне его показали, приперли бы фактами. Так где же оплошность? Надо вспомнить все по порядку».

* * *

С Витей Пятеркиным Леонид познакомился в кабинете Потапова. Тот уже находился там, когда Дубровский пришел по вызову капитана. Круглолицый парнишка с узкими раскосыми глазами и вздернутым носом, казалось, робко сидел на краешке стула, едва доставая ногами до выстланного досками пола довольно просторной комнаты. На вид ему было не больше двенадцати лет.

– Вот с ним и пойдешь, – сказал Потапов, поднимаясь из-за стола навстречу Дубровскому. И трудно было понять, к кому относятся эти слова – то ли к мальчику, который пойдет с Дубровским, то ли к Дубровскому, который пойдет с мальчуганом.

Леонид пожал протянутую капитаном руку и вновь перевел взгляд на мальчишку.

– А выдюжит он? Не скиснет? – спросил Дубровский, рассматривая залатанную, старую куртку и вконец изношенные ботинки на ногах паренька.

– Можешь не сомневаться, – ответил Потапов. – Виктор Пятеркин человек проверенный. Не смотри, что ему только пятнадцать. Он уже был связным у секретаря подпольного

обкома. Не раз ходил через линию фронта. И при тебе он будет связным. С ним и присылай донесения. А легенда такая. С тобой – как и договорились. Ты переводчик Чернышковской комендатуры, разыскиваешь свою часть, от которой отстал. Тут никакой липы. Порукой твои настоящие документы. А он, – Потапов кивнул на Пятеркина, – во время отступления потерял родителей. Отец служил полицаем на станции Чир и ушел с немцами, пока Виктор у тетки в соседнем поселке гостил. Вот и пошел он родителя догонять, а по дороге на тебя наткнулся. Если удастся обосноваться, паренька поодаль пристрой. Рядом не держи. Чтоб никаких подозрений.

– Ясно, Владимир Иванович, – улыбнулся Дубровский и, погладив мальчонку по стриженной голове, спросил: – А в каком селе ты у тетки гостил?

– Село Малый Чир, всего шесть километров от станции, – бойко ответил Виктор. И ни тени смущения не было в его голосе, ни один мускул не дрогнул на совсем еще детском лице. А карие глаза пытливо и выжидающе уставились на Дубровского из-под темных бровей.

– Оружие у тебя есть? – спросил Дубровский.

Виктор смерил Леонида настороженным взглядом и вопросительно посмотрел на Потапова.

– Есть у него трофейный «вальтер», – ответил капитан. – Такого мальчика вряд ли немцы обыскивать будут. А если ненароком наткнутся, скажет, нашел в заброшенном окопе. По возрасту с него взятки гладки.

– Что ж, все ясно, Владимир Иванович. Когда прикажете отправляться?

– Завтра у нас двадцать шестое марта. В ночь на двадцать седьмое я вас вывезу на передовую. В полночь обеспечим вам переход на ту сторону. А пока пообщайся с Виктором. У вас всего сутки, чтобы привыкнуть друг к другу. Да! Конспиративный псевдоним у него – Иванов. В случае чего не называй его настоящим именем. А у дяди Лени? – спросил капитан у Пятеркина.

– Борисов! – не задумываясь ответил тот. – Что я, беспамятный, что ли?

– Память – дело хорошее, только на той стороне многое забыть придется. Борисова вспомнишь, когда обратно к нашим вернешься. Повтори, что ты должен сказать, когда с нашими солдатами встретишься?

– Я Иванов. Прошу доставить меня в штаб части. А в штабе части попрошу офицера связаться с Соколом и доложить, что прибыл связной от Борисова, – невозмутимо и как бы нехотя ответил Пятеркин.

– Вот так-то, Леонид. Паренек что надо. Береги его пуще глаза, – назидательно проговорил Потапов.

– Постараюсь, Владимир Иванович! – Дубровский встал со скамейки.

Капитан пристально посмотрел на продолговатое лицо Дубровского, на широкий лоб и красивую волнистую шевелюру. И хоть в глубоко посаженных черных глазах чувствовалась усталость, взгляд был спокойным и решительным.

* * *

Вечер 26 марта 1943 года выдался на редкость дождливым. Словно серой, прокопченной ватой затянуло весь небосвод. Мелкая, вьедливая морось нескончаемо сыпалась на освободившуюся от снега землю.

На командном пункте одного из стрелковых полков, державших фронт где-то между Ворошиловградом и Ворошиловском, появился коренастый, среднего роста капитан, за которым, пригнувшись, шагнул в землянку высокий, худощавый парень в шинели гитлеровского солдата и маленький, совсем еще юный хлопец в залатанной куртке и стоптанных ботинках, облепленных комьями черной весенней грязи.

– Капитан Потапов! – представился вошедший поднявшемуся из-за стола майору, на гимнастерке которого сверкал еще новенький, видимо недавно полученный, орден Красного Знамени.

– А мы вас ждем, – ответил майор. – Я начальник штаба. Командир полка на передовой. Проход на указанном участке разминирован. Прикрытие подготовлено.

– Спасибо! – Капитан пальцами отдернул рукав своего кителя и посмотрел на часы. – Сейчас двадцать часов тридцать две минуты, переход назначен на двадцать два часа. Таким образом, в нашем распоряжении час двадцать восемь минут.

– Товарищ капитан, туда мы за двадцать минут доберемся. Останется час на уяснение обстановки и разговоры с саперами. Так что пора отправляться. Я вас провожу, – сказал майор, набрасывая на себя телогрейку и одновременно расталкивая спящего на нарах человека. – Кузьмин, вставай! Посиди у телефона, пока я вернусь, – буркнул он и, выждав мгновение, пока тот поднялся, направился к двери.

А мелкий дождик все лил и лил. Где-то далеко, сбоку, гроыхала артиллерийская канонада. И там, откуда доносились ее гулкие взрывы, хмурое небо то и дело освещалось оранжево-желтыми вспышками. Гуськом, вслед за майором и капитаном, минуя скользкие, наполненные влагой ходы сообщения, двигались разведчики.

Шли молча.

– Теперь уже близко, – нарушив тишину, негромко сказал майор. – Еще один переход – и мы на самом переднем крае. Там командир полка должен встретить.

Неожиданно вдалеке стремительно взлетела ракета. Вспоров нижнюю кромку густых облаков, она тускло высветила дугу и, ныряя к земле, ярко разгорелась, оставляя в воздухе дымный змееобразный хвост.

– Это у немцев. Темноты боятся, – спокойно прокомментировал майор. – В двадцать два ноль-ноль мы по ним так ударим, что им не до ракет будет...

– Стой! Кто идет?! – раздался неподалеку властный голос.

– Свои, свои, – ответил майор.

– Пароль? – уже тише спросили из темноты.

– «Харьков»! – прошептал майор.

– Проходи.

В небольшом, наскоро обжитом блиндаже, когда все вопросы взаимодействия, связанные с переходом через линию фронта, были уточнены, разведчиков напоили чаем. А за пять минут до назначенного срока они с капитаном Потаповым и проводником-сапером перебрались в маленький окопчик на самом переднем крае. Капитан молча обнял и расцеловал Пятеркина, потом стиснул в объятиях Леонида Дубровского.

– Желаю успехов. Береги мальчонку, – шепнул он Леониду на ухо и ласково похлопал ладонью по спине.

И вдруг будто по этой команде земля вздрогнула от гулкого перекатного взрыва. Над головами со свистом пронеслись десятки снарядов, устремившихся на территорию, занятую врагом.

– Время! – коротко сказал капитан Потапов и вслед за сапером перемахнул через бруствер.

За ним без промедления бросился Виктор Пятеркин. Замыкающим распластался на мокрой земле Леонид Дубровский. Теперь всем телом ощущал он вздрагивающую землю, липкую, скользкую грязь, за которую цеплялся руками. А над головой нескончаемой чередой, стаями, все неслись и неслись завывающие снаряды. Вскоре и с немецкой стороны полетели снаряды навстречу нашим. И при каждом пушечном залпе, при каждом взрыве освещенные облака бросали на землю отраженные вспышки света.

«Так и обнаружить недолго», – подумал Дубровский, вглядываясь вперед, где быстро перебирал ногами Виктор Пятеркин. Позади уже осталось более сотни метров, когда сапер и капитан Потапов остановились.

– Дальше ничейная зона, – глухо проговорил сапер.

– Теперь топайте сами, – сказал капитан, пропуская мимо себя разведчиков. – Ежели что – отходите сюда. Мы вас огнем прикроем.

Сапер молча похлопал Дубровского по плечу и жестом показал направление. Попридержав мальчугана за ногу, Леонид обогнал его и уверенно пополз через нейтральную полосу. За ним по пятам устремился и Виктор Пятеркин. Они быстро скатились в небольшую ложбинку и по ней, стороной, стали обходить высотку, занятую немцами. Над головами, пронизывая ночную мглу, светлячками носились трассирующие пули. Перестук пулеметных очередей дробной россыпью разносился по всей округе.

– Неужели не проскочат? – в раздумье прошептал капитан.

– Вроде бы должны, – ответил ему сапер. – Ишь какой спектакль устроили. Глядишь, под шумок и пройдут.

В двадцать два тридцать прекратилась артиллерийская дуэль, смолкла пулеметная трескотня, и только запоздалые одиночные выстрелы будоражили воцарившуюся тишину. Наконец все смолкло. Но долго еще оставались лежать на мокрой земле два распластанных тела. Слух напряженно ловил каждый шорох, доносившийся с той стороны, куда уползли разведчики.

Где-то звякнул металл. То ли котелок упал, то ли бросили консервную банку. Издалека, будто из-под земли, долетел отголосок немецкой речи, и снова щемящая тишь окутала все вокруг.

До часу ночи пролежали в томительном ожидании капитан и сапер, готовые в любую минуту прикрыть отходящих товарищей. И лишь когда надежда на успех проведенной операции затеплилась в их сердцах, они, продрогшие и вымокшие до нитки, поползли назад по узкой полоске разминированного коридора.

– Завтра в ночь надо брать «языка» на вашем участке, – сказал капитан Потапов командиру полка, как только переступил порог бункера.

– Об этой задаче мне уже сообщили из штаба дивизии.

– Это предусмотрено нашим планом. Пока только «язык» может подтвердить полный успех или провал сегодняшней операции.

– Ждать будете у нас?

– Нет. Я уеду в Ворошиловград, в штаб армии. А «языка» можете допросить в своих интересах и немедленно переправляйте к нам.

Его еще взять надо...

– Неужто сомневаетесь? А я был уверен, что у вас ребята надежные.

– Тут не в моих ребятах дело. Всякое ведь случается. Не так давно приволокли одного фельдфебеля. А говорить с ним не пришлось – еще на нейтральной от страха концы отдал. Тотальный, сердечник попался...

К тому времени, когда происходил этот разговор, Леонид Дубровский и Виктор Пятеркин уже миновали наиболее опасную зону расположения передовых немецких частей и полями пробирались все дальше и дальше в тыл противника. Километрах в пяти за линией фронта они наткнулись на разрушенное полотно железной дороги и обнаружили заброшенную железнодорожную будку, в которой провели остаток ночи.

* * *

– Дядя Леня, проснитесь, уже светло! – услышал Дубровский над самым ухом.

В глаза ударил свет хмурого утра. Взгляд выхватил за окном низкие облака, скользнул по грязным обшарпанным стенам железнодорожной будки и остановился на перевернутой табуретке, валявшейся в углу.

– Дядя Ленья, вокруг никого! Я уже посмотрел, – сказал Пятеркин.

– Это хорошо. Только что ты меня все дядей зовешь? Тебе уже пятнадцать, а мне всего двадцать два года. Можешь просто Леонидом звать.

– Так вы ж сами меня так учили, – обиженно проговорил Виктор.

– Верно. Учил. Но это ж если при немцах. Для них тебе только двенадцать лет. А сейчас мы одни.

– Не... Так я запутаюсь. Лучше я вас все время дядей звать буду.

– Ладно. Валяй зови дядей.

Дубровский поднялся и, натянув сапоги, прошелся по маленькой комнатке из угла в угол.

– Ботинки твои не просохли? – спросил он строго.

– Нет, еще сыроватые.

– Чего ж ты их на ноги натянул?

– Ничего, я привычный. Не босиком же идти.

– Тогда давай почистим нашу одежду.

Леонид поднял с пола зеленую немецкую шинель и, разложив ее на плите, принялся перочинным ножиком соскребать грязь. Больше часа провозились с одеждой. Было уже около девяти, когда они покинули железнодорожную будку, приютившую их этой ночью.

Вдали, у подножия небольшого холма, раскинулся населенный пункт.

– Село Черкасское! – опознал Дубровский. – Через него дорога на Ворошиловск. Это нам по пути.

– Не Ворошиловск, а Алчевск, – хмуро поправил его Пятеркин.

– Алчевск и Ворошиловск – это одно и то же. Пора бы знать. Не маленький.

– Ворошиловск – это по-нашему, по-советски. А у немцев он Алчевском называется. Зря я это заучивал, что ли? Небось опять скажете: «Это при немцах, а сейчас мы одни». А я не хочу так, не могу. В голове тогда все перепутается...

– Ладно-ладно. Договорились, ты прав, – перебил его Леонид. – Значит, с этой минуты город Серго – это Кадиевка, а вместо Ворошиловска – Алчевск. И я для тебя дядя Ленья. Только обещай мне: когда война кончится – будешь меня Леонидом звать.

– До этого еще дожить надо, – высказался Пятеркин. И сказано это было столь обдуманно и серьезно, что Леонид невольно поежился. Еще большим уважением проникся он к этому не по годам взрослому человеку.

Вскоре Черкасское осталось далеко позади. По сторонам большака, на который вышли разведчики, виднелись позиции дальноточной артиллерии немцев. По дороге то и дело с урчанием и грохотом проезжали огромные, крытые брезентом грузовики, обдавая прохожих сизым, масляным перегаром солярки. Изредка попадались телеги с местными жителями.

И никто не обращал внимания на человека, шагавшего в немецкой, по-фронтовому грязной шинели, перехваченной солдатским ремнем, и на семенявшего рядом с ним мальчишку.

К вечеру ветер разметал по небу хмурые тучи, кое-где показалось голубое весеннее небо, и в лужах заиграли солнечные зайчики. Идти стало легче.

К Алчевску подошли уже в сумерках. Где-то далеко позади перекатывался гул артиллерийских залпов. В течение дня этот гул несколько раз доносился издали и вновь затихал так же внезапно, как и появлялся. Но если днем он слышался явственно и отчетливо, то теперь лишь призрачные, еле уловимые отголоски его приглушенно долетали до слуха.

– На этот раз будем искать настоящий ночлег, – сказал Леонид, положив руку на плечо Виктора. – Может, найдется добрая душа, пустит переночевать.

– Надо на самой окраине пошукать. К ночи в город нам не с руки заходить, – отозвался Пятеркин.

– Устал небось за день?

– А что? Километров двадцать пять, а то и все тридцать мы отмахали... Не так уж я устал, как есть охота.

– Потерпи. Найдем ночлег, тогда и перекусим. Доедим сало, а завтра промышлять начнем.

Лишь утром в железнодорожной будке съели они по ломтику этого сала и по небольшому кусочку хлеба, столько же припасли и на вечер. Это было все, что прихватили они в дорогу. Правда, оставались еще четыре плитки немецкого шоколада. Но то был неприкосновенный запас, рассчитанный не столько для утоления голода, сколько на случай обыска. Шоколад германского производства мог лишний раз подчеркнуть принадлежность Дубровского к немецкой комендатуре.

Подойдя к старой, покосившейся мазанке на самой окраине Алчевска, Леонид постучал в маленькое окошко. Дверь открыла согбенная старушка с костлявыми, жилистыми руками. Без разрешения немецкого коменданта она было отказалась пустить на ночлег незнакомых пришельцев, но, увидев в руках Леонида целую пачку оккупационных марок, приветливо пригласила в дом.

В углу, под низким потолком единственной комнаты, перед иконой, мерцала лампада. Еще не снимая шинель, Дубровский спросил:

– Одни проживаете?

– Одна я, сынок, совсем одна маюсь. Муж еще в ту войну не возвратился. Две дочки замужем в Харькове жили. Теперича и не знаю где...

Леонид присел на скамью возле низкого деревянного столика, окинул взглядом комнату: комод, кровать, сундучок, несколько табуреток, пустой чугунок на остывшей печи. Потом не торопясь отсчитал десять марок и протянул их старухе.

– Это за одну ночь. Утром дальше пойдем. Свою часть догонять надо.

– Кто ж ты у немцев будешь? – любопытствовала старуха.

– Переводчик я. В комендатуре работал. Да вот от части своей отстал. А хлопчик этот батьку ищет. Ушел батька зимой во время отступления. Полицей Иванов со станции Чир. Может, слыхала?

– Не... сынок, у меня полицаев не было. Солдаты немецкие на постой становились, то правда, а полицаев не было.

Старуха бережно пересчитала деньги и спрятала их за пазуху.

– Бабуся, а печку нам не истопишь? – спросил Дубровский, пытливо оглядывая хозяйку.

– Ох! Трудно, трудно, сынок. Уголька-то совсем нет. Шахты ноне без дела стоят. Ведерочко угля на базаре, почитай, сто пятьдесят рублей стоит.

– А марки немецкие разве не в ходу теперь?

– Пошто не в ходу? Ходють и марки. Одна за десять рублей идет. Зимой было одни марки шли. А ныне, как русская антиллерия послышалась, все больше на рубли торгуют. Но и марки немецкие тоже берут.

Дубровский отсчитал еще двадцать марок и, протягивая их старухе, сказал:

– На тебе и на уголек, бабуся, только истопи нам печку. Погреться хочется, да и пообсохнуть.

– Хорошо, хорошо, сынок. И на том спасибо. – Хозяйка обрадованно схватила деньги. – У меня трошки угля осталось. И картошки немного найду. Со своего огородика припасла. Сейчас затоплю и чугунок поставлю.

– Вот и отлично. Располагайся, Виктор, – сказал Дубровский, снимая шинель.

Пятеркин, скинув куртку, принялся расшнуровывать ботинки. Хозяйка, перекрестившись на икону, причитая, стала растапливать печку. Вскоре хата наполнилась густым теплым духом.

Картошку ели без соли, благо сало было присолено. За столом старуха разговорила, жаловалась, что соль на базаре исчезла, нарочито кляла советские порядки, осторожно критиковала немцев. Видимо побаиваясь своих постояльцев, она робко спросила:

– Верно, скоро германцы опять за Дон пойдут?

– Не время сейчас. Силы подсобрать надобно.

– То-то я гляжу, много их, новых-то, понаехало. Учора все через город шли. На фуражках головка подсолнуха желтая, на рукаве такая же черная на белом лоскуте. А на автомобилях, на дверцах, собаки намалеваны. Чудно. Я таких сроду не видывала.

– А на танках, на пушках тоже собаки? – спросил Дубровский.

– Ни-и... Они без пушков и без танков ихали.

– Без пушек и без танков сейчас нельзя. У русских этого добра много стало.

– И то правда. Сам-то, сынок, из каких краев будешь?

– Белорус я, бабуса, из-под Мозыря.

– От ить куда забросило. Небось matka дома дожидает?

– Да уж наверно, ждет не дождется.

– А вона знае, шо ты у немца робишь? – переходя на украинский говор, спросила хозяйка.

Леониду не хотелось вступать в дискуссию со словоохотливой старухой, и потому, увидев, как опускаются веки на глазах Пятеркина, он кивнул на него:

– Устал хлопец, совсем из сил выбился. Пора ему спать. Да и мне выспаться надо.

Старуха суетливо заметалась по комнате: достала овчинный, издававший виды тулуп, расстелила его на полу возле печки, извлекла из сундука старое лоскутное одеяло и кусок залежалого ситца.

– То заместо простынки постелить можно, – сказала она, бросив ситец поверх тулука.

Эту ночь и Леонид Дубровский, и Виктор Пятеркин спали крепким, беспробудным сном. Проснулись рано и, наскоро перекусив остатками холодной картошки, двинулись в путь.

В самом Алчевске войск почти не было. Лишь небольшая колонна грузовиков с гитлеровскими солдатами проследовала по одной из центральных улиц.

– Смотри, дядя Леня, и вправду собаки на дверцах намалеваны и подсолнухи желтые на фуражках, – негромко проговорил Виктор.

– Не соврала бабка, точно подметила. Это австрийцы. Запоминай пока, – в тон ему ответил Дубровский.

Из города выбрались, когда яркое весеннее солнце начало пригревать. В бескрайнем небе не проплыло ни единого облачка. После сухой ветреной ночи земля просохла уже основательно. Дорога на Дебальцево, куда держали путь разведчики, тянулась по степи. Кое-где высились терриконы. В полдень подошли к Мануиловке и свернули налево, в деревню Малоивановку, что виднелась всего в полутора километрах от большака.

На самой окраине деревушки повстречали ефрейтора немецкой армии в сопровождении двух солдат.

– Куда идете? Кто такие? – спросил он. Дубровский объяснил по-немецки, что является переводчиком Чернышковской комендатуры и разыскивает свою часть.

– Документы! – потребовал ефрейтор, окидывая недоверчивым взглядом Леонида и Виктора.

– Пожалуйста. – Дубровский предъявил удостоверение. Ефрейтор внимательно просмотрел истрепанный документ и, возвращая его, сказал:

– Я комендант этой деревни. Здесь нет вашей Чернышковской комендатуры.

– А я и не надеялся найти ее здесь. Мы свернули в Малоивановку в надежде купить продукты и передохнуть. Потом пойдем в Дебальцево. Там, в комендатуре, мне наверняка помогут найти свою часть.

– А кто этот мальчик?

– Повстречал на дороге. Отец его был полицейским на станции Чир, и родители эвакуировались на запад вместе с отступающими войсками. Теперь он ищет своего отца.

– Хорошо, идите в тот дом, – немец указал на большую хату под железной крышей, – там найдете моего переводчика. Он обеспечит вас пайком и укажет, где отдохнуть.

Дубровский поблагодарил ефрейтора.

– Подождите моего возвращения, – сказал тот. – Мне надо еще кое-что выяснить. А в Дебальцево без пропуска вы не пройдете.

Вместе с Виктором направились они вдоль улицы к указанному ефрейтором дому. Возле крыльца, на деревянной, вкопанной в землю скамейке, сидели два полиция с белыми повязками на рукаве. Завидев незнакомых людей, они испытующе поглядели то на Дубровского, то на Пятвркина, пока те не подошли вплотную.

– Где переводчик местной комендатуры? – спросил Дубровский, чеканя по-немецки каждое слово.

Заслышав немецкую речь, оба полицейских будто по команде вскочили со скамейки и вытянулись по стойке «смирно». Их лица расплылись в подобострастной улыбке, а взгляды красноречивее слов говорили о готовности услужить. Но они не поняли, о чем их спросил Дубровский, и продолжали молча стоять, моргая глазами.

– Где находится переводчик здешней комендатуры? – повторил свой вопрос Дубровский на русском языке.

– Он тут, тут! Проходите в дом, там он! – наперебой заговорили полицейские.

Дубровский положил руку на плечо Виктора и, подтолкнув его к крыльцу, ступил на порог дома. Миновав сени, они очутились в просторной и светлой горнице, где за массивным деревянным столом сидели молодой немецкий солдат и пожилой мужчина в гражданской одежде.

– Мне нужен переводчик этой комендатуры, – сказал Дубровский, стараясь произвести впечатление безукоризненным произношением немецких слов.

– Я переводчик. Что вам угодно? – отозвался молодой солдат.

– Здравствуйте, коллега! Меня прислал сюда ваш комендант, ефрейтор. Он передал, чтобы вы обеспечили меня пайком и определили на отдых. По его приказанию я должен дожидаться здесь его возвращения.

– А кто вы такой?

– Я переводчик Чернышковской комендатуры.

Дубровский предъявил документы и подробно рассказал свою незатейливую историю. Тут же он представил и Виктора.

– Да, в Дебальцево вам без пропуска не пройти, – подтвердил переводчик, когда Дубровский сказал ему о предупреждении коменданта. – Вам придется подождать здесь до утра. Комендант вряд ли успеет вернуться сегодня.

– Конечно. Я буду ждать сколько потребуется. Но где...

– Это местный староста, – перебивая Дубровского, кивнул переводчик на пожилого мужчину. – Он определит вас на ночлег. А паек я сейчас выпишу.

Переводчик достал из полевой сумки стопку бумаги, обмакнул ручку в чернильницу. В тишине послышался скрип пера. Неожиданно с улицы донесся отдаленный шум автомобильных моторов. Их рокот быстро нарастал, ширился. Переводчик поднялся из-за стола и подошел к окну как раз в тот момент, когда перед хатой, в которой размещалась комендатура, остановились три грузовика, переполненные немецкими солдатами.

Из кабины передней машины проворно выбрался офицер и уверенной походкой зашагал в комендатуру.

Дубровский обратил внимание на дверцы автомобилей. На них были нарисованы собаки. На фуражках солдат красовались желтые головки подсолнухов.

– Хайль Гитлер! – воскликнул вошедший в комнату капитан, вскинув руку в фашистском приветствии.

И переводчик, и Дубровский ответили ему тем же. Только Виктор Пятеркин молча насунил брови, выжидательно оглядывая немецкого офицера.

– Кто комендант? – спросил тот, обращаясь ко всем сразу.

– Комендант ушел в город. Будет завтра. Сегодня его обязанности выполняю я, – ответил переводчик.

– Я командир отдельной роты автоматчиков. Имею приказ до особого распоряжения разместиться здесь. Прошу определить моих солдат на постой.

– Будет исполнено, господин капитан. Здесь как раз местный староста. Сейчас мы с ним устроим ваших солдат по хатам.

– Там лейтенант Штерн, мой заместитель. Он распорядится. Я пока буду здесь.

Староста и переводчик торопливо вышли из дома. В окно Дубровский увидел, как они подбежали к офицеру, выстроившему солдат перед комендатурой.

– Курите? – услышал Дубровский и, повернувшись к капитану, увидел протянутый ему портсигар с сигаретами.

– Благодарю.

Леонид не отказался от предложенной сигареты.

– Вы служите в этой комендатуре? – спросил капитан.

– Нет. Я переводчик Чернышковской комендатуры. Моя фамилия Дубровский. Был под Сталинградом и во время отступления...

– О! Вы были под Сталинградом?! – перебил его капитан. – Это действительно так страшно, как рассказывают?

– Что страшно? – переспросил Дубровский, делая вид, будто не понял, о чем идет речь.

– Ну, это русское наступление. Мне рассказывали, что там был сплошной ад.

– Да. Это было довольно неожиданно. Наша комендатура располагалась в ста километрах от Сталинграда. Но русские так стремительно ринулись на запад, что мы вынуждены были бросить все и уходить ночью. Мы не хотели оказаться в кольце.

– Но окружение – это еще не конец. Главное, не терять голову. Наша дивизия австрийских стрелков тоже попала в прошлом году в окружение под Великими Луками. Но наше командование успешно вывело войска из кольца. Русские ничего не могли предпринять. Правда, мы потеряли много солдат, но не потеряли боеспособность. А фельдмаршал Паулюс просто струсил. Это непостижимо. Иметь трехсоттысячную армию – я сдаться в плен! Такое не укладывается в моем сознании.

– Но ведь и Манштейн не сумел прорваться на помощь Паулюсу.

– Было уже поздно. У Манштейна не было достаточно сил. А Паулюс держал фронт на Волге. Как он мог допустить, чтобы русские прорвались к нему в тыл!

– На участках прорыва русских фронт держали итальянские дивизии.

– О! Эти макаронники никогда не умели воевать. Еще Наполеон говорил, чтобы разгромить Италию, достаточно десяти дивизий. А если иметь Италию своей союзницей, французам потребуется не менее тридцати дивизий, чтобы защищать ее.

– Да, Наполеон был велик, но и он совершил роковую ошибку.

– Господин Дубровский, Наполеон пошел на Россию во главе стотысячной армии. А у Паулюса было более трехсот тысяч. И не французов, а немцев. Немецкий солдат несравнимо

выше французского. Со времен Наполеона французы отвыкли повиноваться. А немецкий солдат готов идти на любые жертвы ради фюрера и великой Германии.

– Я полностью с вами согласен. И тем печальнее положение фельдмаршала Паулюса, который не сумел правильно использовать немецких солдат на Волге. Я клянусь головой, что виною всему эти проклятые итальянцы.

– О, да-да! Я с вами согласен. Вы не только блестяще владеете немецким языком, но и мыслите как настоящий немец. Вы очень интересный собеседник. Я хотел бы подробнее поговорить с вами о том, что произошло под Сталинградом. Где вы остановились?

Дубровский неопределенно пожал плечами.

– Господин капитан, вы приехали как раз в тот момент, когда староста должен был определить меня на постой.

– О, это хорошо! Я позабочусь, чтобы нас поместили в одном доме. Мы проведем сегодня приятный вечер.

– Благодарю вас, господин капитан. Это большая честь для меня. Но со мною малыш, который, как песчинка в пустыне, затерялся в этой большой войне.

Дубровский рассказал капитану историю Пятеркина, объяснил, что за несколько дней совместных скитаний привязался к беспомощному мальчугану и не хотел бы с ним расставаться. Капитан внимательно слушал, участливо кивал головой.

– О! Я прекрасно вас понимаю, – сказал он. – Я сам отец двоих детей. Старшему сыну всего десять лет. Уже два года я не видел свою семью.

– А вы кадровый военный? – заинтересовался Дубровский.

– О, нет, нет. Если бы не эта война, никогда не надел бы мундир. Я доктор философии, преподавал в Венском университете. Представьте себе, в юности хотел стать врачом, но неожиданно для себя увлекся философией.

– Тогда мы почти коллеги, – улыбнулся Дубровский. – Я тоже мечтал стать врачом и даже поступил в медицинский институт. Это было в Москве. Но вскоре я понял, что не приспособлен для такой деятельности. Да, да. На занятиях в анатомичке при виде крови у меня всякий раз кружилась голова. Пришлось перейти из медицинского института в институт иностранных языков, на немецкое отделение.

– Судя по вашему произношению, вас неплохо учили. Я бы даже сказал...

Капитан не успел закончить фразу. В комнату вошел переводчик и доложил о размещении солдат. Вскоре явился и староста. Выполняя пожелание капитана, он определил Дубровского на ночлег в ту же хату, где остановился капитан.

В доме сестер Самарских было три комнаты. Самую большую из них по приказу старосты отвели немецкому офицеру. А маленькую, в другой половине хаты, предоставили Дубровскому с мальчиком. Денщик капитана Дитриха – так звали немецкого офицера – принес на ужин несколько банок французских консервов, бутылку шнапса и курицу. Одна из хозяек готовила ужин, другая, постарше, проворно набивала соломой тюфяки для ночлега.

Дубровский вместе с Пятеркиным помогали ей застелить постели на полу небольшой каморки, когда в распахнувшуюся дверь вошла девочка лет десяти с большой подушкой в руках.

– Мама, ты эту просила принести?

– Эту, Любушка, эту. А другая нам с тобой на двоих осталась.

Девочка бросила подушку на тюфяк и, отойдя в сторону, неожиданно обратилась к Виктору:

– А твоя мама где?

– Сам не знаю. Ушли с батькой во время русского наступления.

– А ты разве не русский? – вмешалась в разговор хозяйка. Виктор удивленно посмотрел на женщину.

– Русский я! – с гордостью ответил он.

– Почему же своих-то русскими называешь? Наши ведь это.

– Все так говорят, вот и я тоже, – смущенно оправдывался мальчик.

– Нет, не все. От немцев это пошло. А нам с тобой ни к чему...

– Правильно, хозяйюшка! – перебил ее Дубровский, оберегая мальчугана от дальнейших расспросов. – Я вот белорус, а все одно всегда говорю «наши».

– Зачем же тогда ихнюю форму надели?

Дубровский усмехнулся. И вдруг спросил:

– А ваш муж какую одежду выбрал?

– Наш папа на войне. Он в Красной Армии с немцами дерется! – скороговоркой выпалила девочка.

– Люба! – воскликнула женщина, метнув на дочку недобрый взгляд.

– А вы не бойтесь. Вас как зовут-то?

– Евдокия Остаповна.

– Вот и прекрасно, Евдокия Остаповна. Спасибо вам за постель. От мужа-то давненько небось весточек не было?

– Последнее письмоцо за неделю до прихода немцев я получила от него. А теперь кто его знает, живой ли?

Глаза женщины повлажнели. Она все еще недоверчиво смотрела на Дубровского, но взгляд ее заметно потеплел.

– Надо ждать и надеяться, Евдокия Остаповна, – участливо проговорил Дубровский.

– Мертвым-то что, живым куда тяжелее. – Она подошла к дочке, с нежностью провела рукой по ее волосам и, легонько подтолкнув к двери, добавила: – Пойдем, Люба. Отдохнуть людям надо.

Но отдохнуть не пришлось. Вскоре Дубровского позвали в большую комнату. Капитан Дитрих широким жестом пригласил его к столу.

– Поужинаем вместе, – предложил капитан, усаживаясь первым.

Отказываться было глупо, и Дубровский, поблагодарив за оказанную честь, присел рядом.

– За нашу победу! За великого фюрера! – высокомерно проговорил капитан, поднимая граненый стакан, наполовину наполненный мутноватой жидкостью.

Следуя его примеру, Дубровский тоже поднял стакан и добавил:

– За скорейшее окончание войны!

Виктор Пятеркин давно уже спал, разметавшись на жестком соломенном тюфяке, а словоохотливый капитан продолжал еще мучить Дубровского нескончаемыми вопросами. Его интересовало буквально все: и положение гитлеровских войск перед наступлением русских, и какая бывает зима в этом степном районе, и настроение местных жителей; Он никак не мог понять психологии русских, которые, по его мнению, давно уже проиграли войну, но все еще продолжают сопротивляться с безумством обреченных.

– Сталинград будет отомщен. Вы не представляете, какой сокрушительный удар готовит наше командование. Этим летом война закончится полной победой немецкого оружия. Сейчас огромные массы войск снимаются с Западного фронта и перебрасываются на восток, в группу армий «Центр». Моя дивизия тоже следовала туда, но в последний момент нам изменили маршрут. И говорят, это вызвано тем, что в группе армий «Центр» уже негде размещать прибывающие части. Да-да! Не удивляйтесь. Русским готовится большой сюрприз. В фатерлянде, где пополнялась наша дивизия, я видел новейшие танки «тигр». Их броня непробиваема.

Дубровский поглядывал на опустевшую бутылку, которую капитан опорожнил почти один, и мучительно старался запомнить все важное, о чем болтал этот словоохотливый немец.

Лишь далеко за полночь капитан уgomонился. Расставаясь с Дубровским, он пообещал ему выдать справку, по которой тот беспрепятственно сможет продолжать путь в Дебальцево.

Вернувшись в отведенную для него каморку, Дубровский, не раздеваясь, прилег рядом с Пятеркиным, но долго еще не мог уснуть, восстанавливая в памяти разговор с капитаном. Перед его мысленным взором проплывали железнодорожные эшелоны с пушками, минометами и солдатами в зеленых мундирах. По шоссе на дорогах катились колонны полосатых танков, облачившихся почему-то в тигровые шкуры.

Проснулся Дубровский, когда яркие лучи весеннего солнца заполонили всю комнату. Стараясь не потревожить Виктора, он тихо поднялся с пола и вышел из хаты. За калиткой показалась Евдокия Остаповна. В руках она несла ведра, наполненные водой. Оказавшись в палисаднике, она поставила ведра на землю и, обернувшись, прикрыла скрипучую калитку. Через мгновение Дубровский был возле нее.

– С добрым утром, Евдокия Остаповна! Давайте я вам помогу. – Он с легкостью подхватил ведра и понес их к дому.

Уже в сенях Евдокия Остаповна сказала:

– Утро-то доброе, а чего так рано поднялись?

– Уходить собираемся, вот и встал пораньше.

– Пошто так торопитесь? Передохнули бы денек-другой.

– Нет, не с руки нам сейчас отдыхать. А вот если случай выпадет, заглянем к вам еще раз.

– Парнишку-то зря за собой таскаете. Намаялся он. Ему бы к дому пристать, пока война кругом. Хотите, у меня оставьте, перебьемся вместе. Правда, с хлебом не густо, но ничего, с голоду не помрем.

– Спасибо, Евдокия Остаповна! Большое спасибо за теплоту, за душевность вашу. Только не согласится Виктор. Я его сам уговаривал в одном селе у хороших людей остаться. Да какой там. Он и слушать меня не хотел. «Пока, – говорит, – батьку не отыщу, не успокоюсь».

– Ну, коли так, что с ним сделаешь. А за помощь и вам спасибо!

– Что вы, что вы! Я пока для вас ничего не сделал. Может, встретимся еще. Пойду будить Виктора. Заспался парень. В дорогу собираться пора.

– Погодите немного. Я сейчас картошку сварю. Поешьте, тогда и ступайте с богом.

– Хорошо! От картошки не откажусь. И у нас на завтрак кое-что найдется.

Дубровский разбудил Виктора и попросил его быстро одеться, а сам принялся убирать постель. Он аккуратно сложил простыню и, помня, что Евдокия Остаповна доставала ее из стоявшего у стены комода, выдвинул ящик. Но прежде чем положить простыню, он обратил внимание на краешек письма, торчавшего из-под небольшой стопки белья. Письмо было свернуто треугольником. Так, за неимением конвертов, отправляли письма наши воины. Дубровский вытащил письмо и, прочитав обратный адрес, понял, что оно от мужа Евдокии Остаповны. Решение пришло сразу. Он достал из кармана блокнот и, записав фамилию и номер полевой почты отправителя, засунул письмо обратно под белье.

«Вот и отблагодарю Евдокию Остаповну, – подумал он. – Если жив ее муж, отыщем и обязательно весточку от него к ней доставим. Глядишь, и она поработает нам на пользу».

Получив от немецкого капитана обещанную справку, Дубровский заглянул в комендатуру деревни Малоивановка. Комендант-ефрейтор был уже там. Прослышав о покровительственном отношении немецкого офицера к переводчику Чернышковской комендатуры, он довольно приветливо встретил Дубровского и без особых напоминаний предложил Леониду пропуск для следования в Дебальцево.

Солнце изрядно начало припекать, когда Дубровский с Пятеркиным покинули Малоивановку и двинулись дальше в свой нелегкий, опасный путь. В голубом безоблачном небе слышался приглушенный рокот одиночного самолета. Запрокинув головы, путники разглядели

белоснежный, пушистый след инверсии, на острие которого поблескивал маленький силуэт самолета. Разведчик летел на большой высоте и медленно удалялся на запад.

– Это наш на разведку отправился, – мечтательно проговорил Дубровский.

– А почему они по нему не стреляют? – спросил Пятеркин.

– Видно, войск здесь немного и зениток нет.

И, словно опровергая высказанные вслух мысли, откуда-то издали докатился грохот артиллерийских залпов, и тотчас вокруг сверкавшего на солнце самолета повисли серые, дымные шапки зенитных разрывов. Надломился белый след инверсии, самолет резко изменил направление полета, пытаясь вырваться из окружения дымных шапок.

– Противозенитный маневр делает, – сказал Дубровский.

– Неужто сбывают? – В голосе Пятеркина послышались взволнованные нотки.

– Запросто могут.

А самолет все летел и летел, меняя направление, пока не отстали от него развешанные в небе маленькие облачка зенитных разрывов. Вскоре он растаял в беспредельной небесной синеве. И лишь поредевший, расползающийся след инверсии, перечеркнувший небо с востока на запад, да шапки дымных разрывов напоминали о воздушной схватке, разыгравшейся над израненной, истерзанной степью...

И почему-то именно этот бой беззащитного воздушного разведчика, по которому с разных сторон били немецкие зенитки, вспоминался теперь Дубровскому, лежавшему на холодном цементе в промозглой камере. «Пусть бьют, пусть пытаются. У немцев нет улик против меня. Важно выдержать, выстоять и вырваться».

Леонид вспомнил, как вместе с Пятеркиным добрались они до Горловки. Там обнаружили большое скопление немецких войск. Улицы и площади были переполнены автомашинами и бронетранспортерами. На станции с прибывающих эшелонов сгружали танки, артиллерийские установки, ящики с боеприпасами. В центре города, на территории церкви, громоздились пирамиды бочек с горючим. Возле полуразрушенного здания завода возвышались штабеля снарядов и мин.

Из разговоров с немецкими солдатами Дубровский узнал, что на этот участок фронта гитлеровцы перебросили новые соединения из Италии и Австрии. Солдаты высказывали предположение, что в скором времени начнется новое наступление германских войск в направлении излучины Дона.

Собрав ценные сведения о противнике в Горловке, Леонид и Пятеркин отправились в Макеевку. Здесь войск было еще больше. Почти в каждом доме размещались немецкие солдаты, во дворах и на улицах стояла боевая техника.

Поразмыслив, Дубровский решил направить Пятеркина через фронт к Потапову, чтобы своевременно сообщить советскому командованию о крупном сосредоточении вражеских войск, а сам решил пойти в Сталино, надеясь пристроиться там в одной из немецких комендатур.

Из Макеевки на шоссе они вышли вместе. Отыскав в степи заброшенный стог прошлогодней соломы, забрались в него передохнуть. Здесь Дубровский написал на листочке бумаги подробный отчет о добытых сведениях и собственноручно зашил донесение за подкладку истрепанной куртки Виктора. Перед тем как отпустить от себя паренька, Дубровский договорился с ним, что через две недели Пятеркин вернется на территорию, занятую врагом, и придет в Малоивановку к сестрам Самарским. К тому времени Леонид намеревался сообщить Самарским о своем местонахождении или в крайнем случае сам встретить у них Виктора.

Вечером на развилке дорог они расстались. Долго еще стоял Дубровский возле обочины, вглядываясь в одинокую фигурку, уверенно вышагивавшую по грязной весенней дороге. За время совместных скитаний по вражескому тылу он полюбил этого шустрого вдумчивого

паренька, который наравне со взрослыми мужественно переносил все тяготы и невзгоды войны, обрушившиеся на его еще не окрепшие плечи.

«Ничего, этот выдюжит, – думал Дубровский. – Только бы не подловили при переходе через линию фронта».

А через девять дней Дубровский уже сам стучался в окно дома сестер Самарских. Дверь открыла Евдокия Остаповна. Признав бывшего постояльца, она пустила его в дом.

– Одна я нынче, боязно открывать было, – призналась она.

– А сестра куда подевалась?

– В город, на базар, уехала. Продать кое-что надо.

Из дальнейших разговоров Дубровский узнал, что капитан Дитрих вместе со своими солдатами выехал из Малоивановки в неизвестном направлении. Да и комендант-ефрейтор тоже покинул эту деревню. Теперь новую комендатуру в Малоивановке возглавлял какой-то лейтенант.

Все это Евдокия Остаповна рассказала Дубровскому, пока тот, сняв сапог, разбинтовывал ногу. От изнурительной беспрестанной ходьбы у Леонида открылась рана. Последние два дня он заметно прихрамывал. Каждый шаг болью отдавался в раненой ноге. Весь бинт и портянка пропитались кровью. Евдокия Остаповна предложила согреть воды и промыть открывшуюся рану.

Неожиданно в дом вошла молодая миловидная женщина.

– Здравствуйте! – сказала она, непристеливо оглядывая Дубровского.

– Это моя соседка, – представила ее Евдокия Остаповна.

– Здравствуйте, здравствуйте, – ответил Дубровский.

– А вы кто же будете? – спросила незнакомка.

– Он у меня с капитаном немецким ночевал, – пояснила Самарская.

Незнакомка перекинулась с Евдокией Остаповной еще несколькими, ничего не значащими фразами и убежала так же неожиданно, как и вошла.

– К лейтенанту в комендатуру поступила работать, вертихвостка, – осуждающе проговорила Самарская.

Вода в кастрюльке уже начала закипать, когда в дом с шумом ворвались немецкие солдаты во главе с лейтенантом. Вороненные стволы автоматов уставились на Дубровского.

– Ваши документы! – властно потребовал лейтенант.

– Я переводчик Чернышковской комендатуры, – ответил Леонид по-немецки, доставая из кармана удостоверение и справку, выданную капитаном.

– Это еще необходимо проверить, – сказал лейтенант, разглядывая помятое, замусоленное удостоверение. – А сейчас собирайтесь, вы арестованы.

Дубровский устало вздохнул.

– Я надеюсь, что недоразумение скоро выяснится. А пока я прошу разрешения перебинтовать ногу. Открылась старая рана. Вы солдат и хорошо понимаете, что это такое.

– Да-да. Можно. Только скорее, поторапливайтесь. У меня и без вас много дел.

Вскоре Дубровский очутился в душном погребе того самого дома под железной крышей, в котором раньше размещалась немецкая комендатура. За три дня, проведенных там, его несколько раз вызывали на допрос к лейтенанту, но он неизменно повторял, что является переводчиком Чернышковской комендатуры и разыскивает свою часть, от которой отстал во время отступления.

Так ничего и не добившись, лейтенант отправил его на автомашине в Алчевск. Здесь начальник СД майор Фельдгоф допрашивал арестованного.

– Признавайтесь, с каким заданием направили вас в распоряжение германских войск? – настойчиво требовал он.

– Я убедительно прошу господина майора запросить Чернышковскую комендатуру. Вам же легче узнать, где теперь моя часть.

– Не учите меня вести допрос. Может быть, Чернышковской комендатуры давно уже нет. Вероятнее всего, она разгромлена русскими. А станция Чир, где вы изволили служить переводчиком лагеря военнопленных, находится по ту сторону фронта.

– Но я же назвал вам фамилию коменданта, описал вам его внешность. Назвал других сотрудников Чернышковской комендатуры. Разве этого мало?

– Я не желаю тратить на вас так много времени. Если вы признаетесь, что являетесь русским агентом, и расскажете, кто и с какими целями направил вас в распоряжение германских войск, мы можем предложить вам работать у нас. Если вы по-прежнему станете отпираться, тогда я подпишу смертный приговор. Вас расстреляют сегодня же ночью.

– Господин майор, вот уже больше года я верой и правдой служил идеалам великой Германии, я помогал германскому командованию насаждать новый порядок на этой земле. И теперь вместо благодарности вы угрожаете мне расстрелом. Что ж, убивайте, расстреливайте своих верных слуг, только с кем вы тогда останетесь, с кем будете работать?

Лицо майора побагровело, выпученные глаза налились кровью.

– Молчать! – крикнул он во весь голос и, подскочив к Дубровскому, наотмашь ударил его кулаком по лицу.

Леонид устоял. Из рассеченной губы заструилась кровь.

Майор Фельдгоф позвал конвоиров, и те по его команде набросились на Дубровского. Они били его безжалостно, а когда он упал, топтали ногами. Уже в бессознательном состоянии его выволокли из кабинета начальника СД и бросили на цементный пол подвальной камеры.

Сознание возвращалось медленно. Поначалу Леониду казалось, что он еще маленький мальчик, мать склонилась над изголовьем его постели и ласково нежной рукой гладит по голове. На пылающий жаром лоб она положила холодное, влажное полотенце.

Наконец он явственно ощутил струйки воды, стекавшие по лицу от приложенного ко лбу полотенца, и приоткрыл веки. Перед глазами возник незнакомый бородатый мужчина, склонившийся над его головой.

– Где я? – тихо проговорил Дубровский, силясь восстановить в памяти происходящее.

– Знамо дело где, в гестапо! – глухо ответил незнакомец, снимая с головы Леонида мокрую тряпку. – От ить как отделали человека, душегубы.

Теперь Леонид окончательно пришел в себя, вспомнил, что с ним произошло, и стал мучительно обдумывать положение, в котором оказался. Последний разговор с майором Фельдгофом не предвещал ничего хорошего. Леонид приготовился к самому худшему. Лишь сознание невыполненного долга не покидало его в эти минуты.

Так в томительном ожидании прошел почти весь день, потом ночь и еще один день. Кого-то уводили и вновь приводили обратно, кто-то громко стонал у стены. Около двух недель провел Дубровский в этой камере. А однажды, когда в единственном маленьком окошке, прилепившемся под самым потолком, уже начали сгущаться вечерние сумерки, за дверью послышался звон ключей, и в распахнувшемся проеме раздался окрик:

– Дубровский Леонид, выходи с вещами!

Пересиливая боль, Леонид поднялся на ослабевшие ноги. «Это конец. И никто из наших не узнает, как я погиб», – пронеслось в сознании. Он шагнул к двери и вышел из камеры. По знакомой лестнице его повели наверх, заставили свернуть по коридору, еще один поворот – и он снова очутился перед кабинетом начальника СД города Алчевска. Один из конвоиров зашел первым и, выйдя через мгновение, незлобно подтолкнул Дубровского к двери.

Кроме майора Фельдгофа в кабинете находился высокий, худощавый немец в зеленом мундире. Леонид обратил внимание на его маленькое, почти детское лицо, на малино-

вый шрам, наискось перечеркнувший узкий лоб, на длинные волосатые руки. «Этот будет пытаться», – подумал Дубровский, оглядывая немца, стоявшего возле открытого окна.

– Господин Дубровский, – послышался мягкий, вкрадчивый голос начальника СД, и Леонид перевел взгляд на майора Фельдгофа, – я приношу самые искренние извинения за те неприятности, которые вынужден был доставить вам. Я действительно полагал, что имею дело с русским агентом. Так нас информировал комендант Малоивановки. А теперь я рад сообщить, что это была ошибка. Сегодня мы получили ответ на запрос. Из документов следует, что вы действительно были сотрудником Чернышковской комендатуры. Я еще раз приношу свои извинения.

Сердце гулко стучало в груди. Леониду казалось, вот-вот оно вырвется наружу. Но ни один мускул не дрогнул на его лице. Он не позволил себе улыбнуться. А майор Фельдгоф продолжал:

– Чернышковская комендатура в настоящее время передислоцирована на другой участок фронта. Вам нет надобности следовать туда. По согласованию с командованием вы поступаете в распоряжение тайной полевой полиции ГФП-721. Ее начальник – полицейкомиссар Майснер. А фельдполицайсекретарь Рунцхаймер, – майор кивнул на длинного немца, – руководит, внешней командой в городе Кадиевка. У него вы и будете работать переводчиком. Я надеюсь, господин Дубровский, вы оправдаете наше доверие?

– Господин майор! Я рад, что ответ на ваш запрос пришел вовремя. Нет, смерть меня не пугала. Но согласитесь, как обидно получить пулю в затылок от рук тех, кому служишь. Я целиком поддерживаю идеи национал-социализма и готов умереть за идеалы великой Германии.

– О! Это похвально, господин Дубровский, – вступил в разговор фельдполицайсекретарь. – У вас будет возможность доказать на деле свое старание. Моя команда ведет беспощадную борьбу с партизанами, мы выявляем и уничтожаем евреев, коммунистов и их пособников. Работы много. Но об этом поговорим потом, когда я познакомлю вас с вашими обязанностями. А сейчас можете идти. Мой «мерседес» стоит у подъезда. Подождите меня там, я спущусь через несколько минут.

Леонид вопросительно посмотрел на майора Фельдгофа. Тот одобрительно кивнул и, кликнув конвойных, приказал им проводить Дубровского на улицу.

Только выйдя из дома, в котором размещалась СД, Леонид позволил себе улыбнуться. Да, он улыбался своим мыслям. Он теперь вплотную приблизился к цели.

Леонид подошел к серому, пятнистому от камуфляжа «мерседесу», за рулем которого восседал немецкий солдат. Запрокинув голову, оглядел безоблачное небо. В темно-фиолетовой сини кое-где появились звезды.

Глава 2

Капитан Потапов поднялся из-за стола. Довольно потирая руки, он пришёл по комнате. Только что из его кабинета увели пленного немецкого фельдфебеля, захваченного в районе перехода Дубровским линии фронта. Перепуганный гитлеровец рассказал все, что знал о своей части. Несколько раз повторил: «Гитлер капут». По его словам, на этом участке немцы давно уже никого не задерживали. Таким образом, были все основания полагать, что Дубровский и Пятеркин благополучно пробрались на вражескую территорию. Оставалось запастись терпением и ждать.

Как было условлено, Пятеркин должен вернуться не позже чем через две недели. А прошло всего лишь четыре дня. Потапов глубоко вздохнул. Хотелось верить в благополучный исход задуманной операции. «Лейтенант Дубровский не новичок, – размышлял Потапов. – Несколько месяцев работал на той стороне, в немецкой комендатуре. А в феврале был переброшен за линию фронта, одиннадцать дней скитался по немецким тылам. Этот не должен растеряться. Да и мальчонка проверенный. Был связным на той стороне. Правда, с Дубровским пошел впервые».

Уже лежа в постели на жестком походном тюфяке, Потапов вспомнил, как в самый канун Нового года, при освобождении станции Чернышково частями третьей ударной армии, к нему привели высокого молодого человека. По обнаруженным у него документам значилось, что предъявитель сего Леонид Дубровский, белорус, является переводчиком Чернышковской комендатуры. Однако на допросе он заявил, что фамилия эта вымышленная и что на самом деле он московский комсомолец Лев Моисеевич Бреннер, лейтенант Советской Армии, попавший в окружение и плененный немцами.

Он правдиво и убедительно поведал свою историю и сообщил командованию интересные сведения о противнике. Ему поверили. А поверив, решили использовать в разведке. Поначалу его забросили в немецкий тыл в район станции Тацинская, откуда он вернулся с ценнейшими разведывательными данными. Тогда-то и возникла идея заслать его в какой-нибудь разведывательный орган фашистской армии с целью выявления вражеской агентуры.

С той памятной ночи, когда Леонид Дубровский и Виктор Пятеркин скрылись во мгле, подсвеченной артиллерийскими залпами, Потапов частенько думал о них, мысленно шагал вместе с ними по знакомым проселкам Луганской области. Порой ему казалось, что вот-вот откроется дверь и в кабинет войдет Виктор Пятеркин. Так было уже однажды, когда оставшаяся для подпольной работы в тылу врага школьная учительница Валентина Платоновна Стеценко прислала через фронт своего ученика Виктора Пятеркина.

Виктор принес тогда советскому командованию подробное описание вражеских укреплений в районе Луганска, данные о расположении немецких войск, собранные подпольным обкомом партии.

Потому-то, когда встал вопрос о связном для Дубровского, выбор пал на Виктора Пятеркина. Капитан Потапов сам предложил его кандидатуру и теперь больше других тревожился за мальчугана.

...Прошло около двух недель, а от Дубровского все еще не было никаких известий. Наконец восемнадцатого апреля утром раздался телефонный звонок, и капитану Потапову сообщили, что бойцы одной из передовых частей подобрали на нейтральной полосе раненого мальчонку, который назвался Ивановым и просит доложить, что прибыл от Борисова.

– Ранение серьезное? – глухим озабоченным голосом спросил Потапов.

– Не знаю, – ответили в трубке. – Сейчас его повезли в медсанбат на перевязку, позвоните туда.

– К черту звонки! Я сам туда еду.

Через два часа он уже подъезжал к медсанбату. Главный врач успокоил капитана. Рана оказалась пустяковой. Не задев кости, пуля навывлет прошла через мягкие ткани выше колена.

Потапова провели в одну из хат, где размещались раненые. Виктор Пятеркин, осунувшийся и бледный, лежал на больничной койке возле окна. Приветливая улыбка скользнула по его лицу, когда он увидел капитана, глаза радостно заблестели.

– Ну как самочувствие, разведчик? – спросил капитан, присаживаясь рядом на табурет. Он ласково погладил Виктора по голове.

– Ничего. Все в порядке, Владимир Иванович. Только на нейтральной задело. Я уже к нашим подполз, а немцы, гады, стрельбу открыли. Вот и царапнуло малость...

И по тону, и по тому, как небрежно сказал Пятеркин о своей ране, Потапов понял, что это чужие слова, услышанные от взрослых.

– Ну а Леонид как? Когда ты от него ушел?

– Четыре дня назад. Возле Макеевки мы с ним расстались. Здесь у меня куртку отобрали, велите принести, там, в подкладке, для вас донесение зашито.

Медсестра, сопровождавшая капитана, побежала за курточкой.

– Так-то, Виктор. Молодец, что добрался. А теперь вылежать надо.

– Нельзя мне долго, Владимир Иванович. Через десять дней я в Малоивановке должен быть. Так мы с Борисовым договорились.

– Ну да, конечно, конечно. Только к этому времени ты вряд ли поправишься. Но не огорчайся, замену тебе найдем...

– Не-е, Владимир Иванович. Доктор сказал: «На молодых заживает быстро». Через несколько дней обещал отпустить.

– Вот, пожалуйста! – раскрасневшаяся от волнения медсестра протянула Потапову потрепанную куртку мальчика.

Капитан бережно взял курточку и, ощупав ее, протянул Виктору:

– Где?

– Вот здесь распорите, – показал тот на левую полу, замызганную грязью.

Потапов достал из кармана перочинный нож, аккуратно разрезал нитки и извлек из-под подкладки листок бумаги.

– Тут все подробно написано, все как есть, – с гордостью проговорил мальчуган. – А на работу дядя Леня еще не устроился. Сказал, может, в Сталине поступит.

– Хорошо, хорошо! Поправляйся и отдыхай пока. Я распоряжусь, чтобы тебя в наш фронт-овой санаторий перебросили. Я там рядом буду. Тогда и поговорим. Согласен?

– Ладно, чего уж там согласия спрашивать. Раз надо – пусть так и будет. Я санаториев не боюсь.

– А чего их бояться? – удивился Потапов, не предполагая, что мальчишка впервые услышал это слово.

Виктор промолчал, собираясь с мыслями, наморщил лоб.

– Что, больно? – встревожился капитан.

– Нет. Припекает маленько... – Помолчав немного, спросил: – А в санатории что со мной делать будут?

Потапов и медсестра рассмеялись.

– А ничего. Кормить-поить будут, кино показывать. Если потребуется, перевязку сделают. Это заведение для отдыха предназначено, – пояснил Потапов.

Виктор облегченно вздохнул. Чуть приметная улыбка скользнула по его лицу. Потанов встал с табуретки и по-мужски пожал ему руку.

– Спасибо тебе, товарищ Пятеркин. Командование приносит тебе свою благодарность, – сказал капитан официальным тоном и уже теплее добавил: – И все мы ждем твоего скорейшего

выздоровления. Дел еще много. Землю нашу от немца надо освобождать. И командование рассчитывает на твою помощь.

– Я скоро, Владимир Иванович, я по-быстрому.

Глаза паренька заискрились задором. А капитан, будто вспомнив о чем-то, вновь присел возле кровати.

– Скажи-ка, Виктор, где ты с Леонидом договорился встретиться?

– Я в Малоивановку должен прийти...

– А там, в Малоивановке, у кого?

Мальчуган подробно рассказал Потаиову все, что знал о сестрах Самарских. Нарисовал, где расположен их дом.

– Если Борисова там не будет, – заговорил он, – тогда эти теткы скажут, где он обосновался. Он им обязательно сообщит. У одной из них муж в нашей армии служит. Там, в записке, фамилия его и адрес. Борисов просил с ним связаться. Если жив, пусть письмо жене напишет. Я передам ей...

– Это сделаем. Обязательно сделаем. Поправляйся.

Потапов попрощался с Пятеркиным и вышел из комнаты.

Глава 3

Юркий «мерседес» мчался по большаку в сторону Кадиевки. Шофер с ефрейторскими нашивками то и дело выворачивал руль, лавируя между выбоинами, наполненными густой мутноватой жижей. Весенний ливень пронесся над степью еще утром. К вечеру дорога успела просохнуть. Лишь местами, в глубоких проемах между ухабами, еще сохранились лужи, и теперь золотистые блики луны причудливо играли на их поверхности.

Водители встречных грузовиков, завидев «мерседес», резко притормаживали, чтобы не обдать грязью легковой автомобиль, в котором – не дай бог! – могло находиться начальство. Но, поравнявшись с ним, они прибавляли газ и с ревом проносились мимо, оставляя в воздухе резкий запах перегара солярки.

Однако какой-то водитель не проявил достаточной осмотрительности и увеличил скорость грузовика в тот самый момент, когда от мчащегося навстречу «мерседеса» его отделяла большая лужа. В мгновение ока целый поток липкой грязи, вздыбившись из-под колес огромного грузовика, набросился на капот и стекла легкового автомобиля. За мутной пеленой скрылись и без того плохо различимые очертания дороги. Ефрейтор резко затормозил.

– Доннер-веттер! – зло вымолвил фельдполицайсекретарь Рунцхаймер, не проронивший за всю дорогу ни единого слова. Он развалился на заднем сиденье «мерседеса» и, казалось, дремал. Во всяком случае, так думал Дубровский, сидевший по указанию Рунцхаймера рядом с водителем. Но гневное «Доннер-веттер!» отбросило это предположение.

Дубровский обернулся и увидел небольшую лысину на затылке Рунцхаймера. Лица его не было видно. Согнувшись в три погибели, он поднимал что-то с пола. Только через мгновение Дубровский понял, в чем дело. От резкого торможения красивая, вздыбленная спереди фуражка Рунцхаймера не удержалась на голове и свалилась на пол. Подняв фуражку, фельдполицайсекретарь аккуратно отряхнул ее перчаткой и вновь водрузил на голову.

Водитель приоткрыл дверцу. На потолке кабины тускло засветилась лампочка. Теперь Дубровский разглядел побагровевшее от ярости лицо Рунцхаймера, на лбу которого еще явственнее обозначился рубец – след старой раны. Казалось, фельдполицайсекретарь вот-вот набросится на ефрейтора. Но тот уже успел выбраться из кабины и бойко протирал тряпкой ветровое стекло.

– Доннер-веттер! – несколько спокойнее повторил Рунцхаймер и неожиданно улыбнулся. – Если бы я сидел впереди, этого не произошло бы.

Рунцхаймер нехотя выбрался из автомобиля и предложил Дубровскому перейти на заднее сиденье.

Послышался скрежет стартера, мотор оглушительно взревел на больших оборотах, и «мерседес» плавно тронулся с места. Дубровский торжествовал. Огромная радость переполнила его душу. Он откинулся на спинку сиденья, плотно прильнул к ней спиной. Саднили еще не зажившие рубцы – следы недавних побоев на допросах, – а он все сильнее прижимался к спинке. Стало еще больнее. Но эта боль отвлекала, нейтрализовала то возбуждение, которое он так старательно пытался сейчас скрыть. Он все больше убеждался, что немцы ему поверили. До самого последнего момента Дубровский думал, что извинения Фельдгофа, назначение переводчиком к Рунцхаймеру – все это очередная уловка гестаповцев, еще одна попытка проверить его.

Он выдержал нелегкое испытание, выпавшее на его долю, выдержал и, таким образом, получил возможность выполнить важное боевое задание, порученное ему командованием. Леонид на мгновение закрыл глаза. Перед мысленным взором поплыли лица родных и близких, добрый взгляд матери, белозубые улыбки сводных младших братьев.

Леонид знал, что оба его брата стали танкистами и сражаются где-то на Центральном фронте. Но он никак не мог представить себе младших братьев в военной форме, в кабине боевого танка. Они для него по-прежнему были мальчишками, за которыми нужен был глаз да глаз, как часто говаривала мать. Вспомнив о братьях, Леонид невольно подумал и о Пятеркине.

– Господин Дубровский, – прервал его мысли голос Рунцхаймера, – вы русский, выросли в России и должны хорошо знать характер ваших людей. Объясните мне, почему русские, которые уже проиграли эту войну, все еще продолжают бессмысленное сопротивление? Неужели временная неудача германской армии на берегу Волги так вскружила им голову? Ведь это не есть победа русского оружия – это была победа русской зимы, которую плохо переносят наши солдаты. Так случилось под Москвой, так случилось под Сталинградом. Но, как известно, после зимы приходит лето. Это неотвратимо. Это так же неотвратимо, как и наше летнее наступление, после которого германская армия вновь будет у стен Москвы, а потом и на Волге. Так зачем же напрасные жертвы, зачем бессмысленное сопротивление?

Рунцхаймер, полуобернувшись, смотрел на Дубровского. Выждав некоторое время, Леонид ответил:

– Вы правы, господин фельдполицайсекретарь! Многие Русские уже поняли это и охотно сдаются в плен. Правда, для некоторых это исключено. Они коммунисты. А вы расстреливаете, коммунистов. Таким образом, единственное, что им остается, – это сопротивление. Но я не думаю, что оно будет долгим. Сталинград – предсмертная агония Красной Армии. К тому же нас подвели итальянцы. Если бы они не разбежались при первой же атаке советских танков, мы и теперь были бы на берегу Волги. Не так ли?

– О да, возможно, вы правы. Но вы не совсем точно поняли мой вопрос. Меня интересует сопротивление русских не там, за линией фронта, а здесь, в тылу наших войск. Да, да. Именно здесь, где солдаты фюрера освободили людей от ярма большевизма, где германская армия устанавливает новый порядок.

– Но, господин фельдполицайсекретарь, германская армия устанавливает новый порядок не примером, не убеждением, а силой оружия. Как известно из физики, всякое действие встречает противодействие. С этим надо считаться.

– Благодарю за откровенность, господин Дубровский. Очевидно, вы занимались физикой?

– Нет, нет. Я не физик. Я лингвист. С детства полюбил немецкий язык, а в самый канун войны окончил институт иностранных языков. Собирался преподавать немецкий в средних школах.

– У нас работали по убеждению или подчинялись силе оружия?

– Ни то ни другое. Вы уже поблагодарили меня за откровенность, и это обязывает меня быть искренним. По национальности я белорус. Мой отец проповедовал государственную самостоятельность Белоруссии. Коммунисты расстреляли его как буржуазного националиста.

– И вам, его сыну, позволили окончить институт? – в голосе Рунцхаймера прозвучала ирония.

– Представьте себе, это так. Заканчивая среднюю школу, я и не помышлял о высшем образовании. Но в это время была брошена в народ крылатая фраза: «Сын за отца не отвечает». И поверьте, это изменило мою судьбу. Меня приняли в институт.

– Значит, вы мстите коммунистам за своего отца?

– Да! Именно это я и хотел сказать.

Рунцхаймер ничего не ответил. Несколько минут они ехали молча, оглядывая вереницу грузовых автомобилей,двигающихся навстречу. Когда же последний грузовик скрылся позади «мерседеса», Рунцхаймер с интересом спросил:

– Сколько вам лет, господин Дубровский?

– Недавно исполнилось двадцать два. А вам, господин фельдполицайсекретарь, если это не секрет?

– Нет, для вас, господин Дубровский, это не секрет. Я старше вас всего на четыре года. И думаю, мы с вами сработаемся. У вас прекрасный немецкий, я бы даже сказал, с некоторым берлинским акцентом. Надеюсь, и русский у вас не хуже. Мне нужен такой человек. Вы будете моим личным переводчиком.

– Благодарю вас, господин фельдполицайсекретарь! Вы оказываете мне большую честь. Я постараюсь оправдать ваше доверие.

– Мое доверие? – Рунцхаймер многозначительно усмехнулся. – Время покажет, господин Дубровский. Вы еще не знакомы с моей собакой. Это умнейшее существо, незаслуженно лишенное дара речи. Его зовут Гарас. Он скалит зубы на каждого, кто подходит ко мне близко. А я не доверяю людям, на которых рычит мой пес. Я даже не удерживаю его, если он бросается на кого-нибудь. Просто он лучше меня чувствует, кто мой друг и кто враг.

– И он никогда не ошибался?

– К черту подробности! Я не вникаю в детали, когда Гарас расправляется с моими врагами.

Дубровский насторожился.

– А какой породы ваша собака?

– Обыкновенная немецкая овчарка. Но мой экземпляр невиданных размеров. Одним прыжком он сбивает с ног человека. Так было уже не раз. И если прикажу, может перегрызть горло.

Рунцхаймер сказал это совершенно спокойно, будто разговор шел о чем-то обычном. Правая рука Дубровского сжалась в кулак, он стиснул зубы и незаметно глубоко вздохнул. Хотелось схватить эту тонкую, длинную шею и стиснуть пальцы. Но...

«Мерседес» заметно сбавил скорость, свернул с большака. Теперь по сторонам дороги угадывались небольшие домики, дощатые заборы, выхваченные из темноты тусклым светом притушенных фар.

– Это Кадиевка, – сказал, словно отрубил, Рунцхаймер. – Мы работаем здесь. И живем здесь. Но это недолго. Наведем порядок и вернемся в Сталино. Там основной штаб ГФП-721.

Водитель робко, вполголоса, спросил:

– Куда изволите, господин фельдполицай-секретарь?

– Домой! – И обращаясь к Дубровскому: – Вы будете жить в комнате одного из моих сотрудников.

– А он в отъезде?

– Нет, он здесь. Вы будете жить с ним в одной комнате. Он тоже русский. Сможете разговаривать на своем языке. Да! Чуть не забыл. Чтобы не было недоразумений. Без моего личного разрешения вы не смеее отлучаться из Кадиевки.

– Слушаюсь, господин фельдполицайсекретарь!

«Мерседес» круто свернул влево, медленно проехал через неглубокий кювет и остановился у ворот. Раздался резкий сигнал автомобиля. Ворота распахнулись. Машина въехала во двор и стала возле барака. Шофер проворно выскочил из машины и распахнул дверцу для Рунцхаймера.

– Мы приехали, господин Дубровский! Можете выходить! – бросил тот, выбираясь из автомобиля.

Леонид вышел, потянулся, разминая затекшее тело. Где-то рядом, за кустами палисадника, хлопнула дверь. И через мгновение перед Рунцхаймером появился унтер-офицер. Выбросив вперед руку в фашистском приветствии, он негромко крикнул:

– Хайль Гитлер!

Рунцхаймер небрежно ответил тем же. Выслушав короткий рапорт и кивнув на Дубровского, он громко проговорил:

– Знакомьтесь, Рудольф! Это новый переводчик. Вы коренной житель Берлина и должны по достоинству оценить его берлинское произношение. – Слушаюсь, господин фельдполицай-секретарь! – Дежурный унтер-офицер шагнул к Дубровскому и, склонив голову, протянул ему руку: – Рудольф Монцарт, следователь ГФП-721.

– Дубровский, Леонид.

– Рудольф! Проводите господина Дубровского в комнату Потемкина и распорядитесь приготовить для него вторую кровать. Они будут жить вместе. Сообщите об этом Алексу.

– Слушаюсь, господин фельдполицайсекретарь!

– Можете идти. Да! Побеспокойтесь, чтобы господина Дубровского накормили ужином. Приказ о зачислении на довольствие я подпишу завтра утром.

– Слушаюсь!

Рудольф жестом пригласил Дубровского следовать за ним.

Луна ярко высвечивала в зените. Звезды, будто начищенные, сверкали в ночном небе. Весенний, бархатный ветерок приятно охлаждал непокрытую голову и лицо. Леонид вдохнул полной грудью и тут же ощутил саднящую боль в спине. «Ничего, еще несколько дней – и рубцы затянутся». Он стиснул зубы так же крепко, как тогда, во время допроса у Фельдгофа, когда плетеный электрический провод со свистом впивался в его обнаженную спину.

– Пожалуйста! Вот сюда! – Пропуская Леонида вперед, Рудольф Монцарт приоткрыл дверь барака.

Дубровский шагнул через порог и окунулся в сплошную темень.

– Один момент! – услышал он позади голос унтера. Раздался резкий щелчок, и маленькое пламя бензиновой зажигалки тускло осветило квадратные сенцы.

Леонид обернулся, вопросительно посмотрел на Монцарта. В зеленых выпученных глазах унтера отражалось крохотное пламя зажигалки. Возле самого виска из-под фуражки свисала прядь белобрых волос.

– Это здесь! – сказал тот, протягивая руку к двери, что была слева.

Дубровский хотел было постучать, но Монцарт бесцеремонно потянул за ручку. Дверь отворилась, и Леонид разглядел комнату с одним занавешенным окном, возле которого стоял письменный стол. У стола, поближе к зажженной керосиновой лампе, сидел молодой мужчина. Оторвавшись от развернутой газеты, он поднял голову и недобрым взглядом, исподлобья, окинул вошедших.

– Алекс, – обратился к нему Рудольф Монцарт, – это новый переводчик, господин Дубровский. По распоряжению шефа он будет жить здесь, вместе с вами.

Тот, кого называли Алексом, отложил в сторону немецкую газету, тяжело поднялся с табуретки, шагнул навстречу вошедшим. Был он невысок, худощав, за расстегнутым воротом рубашки, поверх которой висел на плечах зеленый потрепанный китель, проглядывалась волосатая грудь.

– Вместе так вместе. В тесноте – не в обиде. Вдвоем даже веселее будет, – глухо проговорил он на чистейшем русском и, словно спохватившись, добавил: – Александр Потемкин. Если угодно, просто Алекс. Им так сподручнее, – кивнул он на унтер-офицера, пожимая Дубровскому руку. – А вас как?

– Леонид!

Рудольф Монцарт не понимал русскую речь и пытался по тону разговора определить, какое впечатление произвел на Алекса его новый постоялец. Но когда Алекс предложил Дубровскому табурет, а сам присел на край кровати, немец успокоился и, видимо решив, что двое русских сами разберутся между собой, шагнул к выходу.

– Я скоро вернусь. Я проведу вас в казино, – сказал он Дубровскому с порога.

– Господин Монцарт, вы дежурный по команде, – вмешался Алекс. – Прикажите солдатам, чтобы принесли постельные принадлежности и кровать. Ее можно поставить вот здесь, – он показал на пустующую часть стены, расположенную против окна, – немного отодвинем шкаф – и кровать хорошо уместится.

Только теперь Дубровский обратил внимание на старый, обшарпанный шкаф, одиноко прижавшийся к широкой, почти пятиметровой стене. Кроме этого шкафа, табуретки, письменного стола и застеленной кровати, на которой сидел Алекс, в комнате ничего больше не было, хотя размеры ее позволяли разместить здесь еще много различной мебели. Эта пустота придавала помещению нежилой вид.

Когда за Рудольфом Монцартом плотно закрылась дверь, Дубровский спросил:

– Вы здесь живете недавно?

– В этом мире все относительно. Мне кажется, что прошла уже вечность с тех пор, как наша команда обосновалась в Кадиевке. А если быть точным, то еще и полутора месяцев нет...

Дубровский промолчал, обдумывая, с чего бы начать разговор.

Не снимая сапог, Александр Потемкин развалился на кровати и, упреждая вопрос, спросил:

– Из каких мест пожаловали?

– Сейчас из Алчевска... А вообще-то я белорус... Родился в Мозыре.

– В плен попали или сами пришли?

– Как вам сказать... Поначалу, конечно, в плену побывал. А потом понял идеи национал-социализма, решил честно жить новому порядку. А вы?

– Я-то? Я на курсах переводчиков был. Попал в окружение, потом в плен. А с голодухи... – Он умолк на мгновение и вдруг неожиданно спросил: – Голодать приходилось?

– И это было, – тихо, раздумчиво сказал Дубровский. Ему показалось, что Алекс осуждающе отнесся к его словам. «Быть может, это честный советский человек? Может, он случайно оказался на службе у немцев? Надо присмотреться к нему поосновательнее. И тогда... Как было бы хорошо! «Один в поле не воин», – вспомнил он старую русскую поговорку. – Было бы прекрасно, ведь он же русский».

Маленькая надежда затеплилась в сознании.

– Не приспособлен я к скотской жизни, – перебил его мысли Потемкин. – Раскинул мозгами. И согласился служить у них. Даром, что ли, немецким владею?

– Теперь не сожалеете?

– А чего сожалеть? Ихняя верх взяла. А вы как считаете?!

– Кто его знает, как дальше сложится. Поживем – увидим. Однако, потерявши голову, по волосам не плачут. Обратного пути у нас с вами нет.

– И то правда, – глухо отозвался Алекс.

– Скажите, а что представляет собой ваш шеф?

– Дылда? – многозначительно произнес Алекс. – Это, насколько я понял, отныне и ваш шеф.

– Да-да! Конечно. Только почему дылда?

– За длинный рост солдаты его так прозвали. Ну и к подчиненным это перекинулось. Между собой мы его тоже так зовем...

За окном послышался громкий незлобный лай.

– Вон с любимым псом развлекается. Засиделась собака, пока его не было. А другим не разрешает подходить к ней. Да и возьмется ли кто?! Она у него, словно бешеная, на людей кидается. Только его и слушает.

– Так что он за человек? – повторил свой вопрос Дубровский.

– Обыкновенный немец. До войны, говорят, был сотрудником криминальной полиции в Берлине. Член партии национал-социалистов. Никому, кроме фюрера и своей собаки, не

доверяет. Любит он этого пса, а еще пуще – баб. В одной Кадиевке больше десятка девок перепортил.

– А с подчиненными как?

– Поживете, поработаете – сами увидите. Если старание проявите – приживетесь, а нет – в лагерь может отправить.

– Придется постараться.

– А здесь работа не деликатная – руки кровью марать придется.

Дубровский насторожился.

– Что вы имеете в виду?

– Не прикидывайтесь. Не с девками же он с вашей помощью беседовать собирается. С ними он сам общий язык находит. В этом деле руки красноречивее слов бывают. А вот на вопросах... Там не только языком, мускулами тоже работать надо, – многозначительно произнес Потемкин и после недолгой паузы добавил: – А люди кричат, да что там говорить, некоторые просто воют от боли.

– А если я откажусь?

– Попробуй откажись. Значит, кишка тонка. Такие Рунцхаймеру не нужны. Здесь таких не держат.

В сенях послышался топот, в дверь постучали.

Потемкин поднялся с кровати, крикнул, чтобы входили, и, подойдя к лампе, прибавил света. В дверях показался пожилой немецкий солдат. Переводя взгляд с Потемкина на Дубровского, он несколько замешкался, но потом решился и доложил Потемкину, что кровать и постель доставлены.

– Хорошо, побыстрее заносите в комнату! – распорядился тот. – Но сначала передвиньте этот шкаф.

Дубровский встал, шагнул к шкафу, намереваясь помочь, но Потемкин жестом остановил его:

– Нет-нет! Не надо. Сами справятся.

Солдат приоткрыл дверь, окликнул второго. Вдвоем они передвинули шкаф, внесли кровать и, поставив ее у стены, аккуратно застелили постель на соломенном тюфяке.

– Спасибо! – поблагодарил их Дубровский.

– Пожалуйста? Пожалуйста! – вразнобой ответили они, удаляясь из комнаты.

Когда их шаги окончательно стихли, Дубровский, как бы раздумывая вслух, негромко проговорил:

– Никогда не видел, чтобы немецкий солдат ухаживал за русским переводчиком.

– Привыкайте, господин Дубровский. В нашей команде свои порядки.

– Не вонимаю! Разве немцы уже не господа?

– Эти двое на время выбыли из господского сословия. Они арестованы за какой-то воинский проступок и предстанут перед судом. От нас зависит их дальнейшая судьба...

– Господин Алеке, не слишком ли много мы на себя берем?

– Нет, нет. Вы не совсем точно меня поняли. Их судьба зависит не от нас с вами, а от группы тайной полевой полиции, в которой мы с вами служим. От фельдполицайсекретаря Рунцхаймера, от фельдфебеля-следователя.

– Неужели у Рунцхаймера такие полномочия? Ведь по армейским понятиям он всего-навсего лейтенант.

– Этого лейтенанта побаиваются армейские генералы. Ему предоставлено право самостоятельно выносить смертные приговоры. Конечно, к генералам и офицерам германской армии это не относится. Но проступки рядовых великой Германии Рунцхаймер разбирает сам и волен пресекать их по своему усмотрению, вплоть до расстрела. По делам же местного населения и говорить не приходится. Он и царь, он и бог. Хочет – казнит, хочет – милует.

– Да-а! Ничего не скажешь, права большие. А каковы же обязанности?

Потемкин метнул недоверчивый взгляд на Дубровского, прищурился и, глубоко вздохнув, молвил:

– Подробности у Рунцхаймера. Он сам берет подписку о неразглашении тайны, сам и посвящает в иезуиты святого ордена ГФП-721.

Дубровский помолчал, подошел к своей кровати и, присев на самый край, оглядел Потемкина. «Низкорослый, круглолицый человечек, с большим толстым носом и маленьким, обрубленным подбородком, – старался он мысленно запечатлеть портрет этого сотрудника тайной полевой полиции. – Так-так! Что же еще характерного? Большой лоб, темные волосы зачесаны назад и набок. А еще? Глубоко посаженные глаза. Верхняя губа шире обычного».

Потемкин убрал со стола газету, достал из шкафа почти новый немецкий френч и, насвистывая, стал одеваться.

«Хорошо бы узнать возраст и место рождения», – вспомнил Леонид назидания капитана Потапова и тут же спросил:

– А вы сами, Алекс, из каких краев будете?

– Я почти местный, – ответил тот, просовывая руку в рукав зеленого френча, на котором Дубровский разглядел солдатские погоны, – родился в станице Авдеевская, теперь она Авдеевка называется. Недалеко от Сталино.

– Там и немецким овладели?

– Нет! С образованием история длинная. Отец у меня на станции слесарничал. А в тридцатом году его раскулачили, выслали с Украины, хотя хозяйство наше всего двумя коровенками от других отличалось. Было мне в ту пору шестнадцать годков. Поехал и я на восток за счастьем. Поначалу на работу в Куйбышеве пристроился, а потом там же в институт педагогический поступил. Тяга у меня к учебе. В тридцать девятом году закончил институт, начал работать учителем немецкого языка в средней школе. Ровно двадцать пять лет мне тогда отгрохало. Жениться было собрался, да передумал. И к лучшему. Одному-то спокойнее.

За окном послышался отдаленный натужный гул пролетающих самолетов. Потемкин свернул трубочкой ладонь, приложил к уху.

– Наши пошли! Я их по звуку безошибочно узнаю, – похвастался он, обернувшись к Дубровскому.

– Наши-то наши. Это я сразу почувствовал, – отозвался тот. – А вот какого типа самолеты – можете определить? Я, например, точно знаю. Могу даже пари держать.

Дубровский намеренно соврал. По монотонному реву авиационных моторов он не только не умел опознавать типы самолетов, но не научился определять даже их принадлежность. Он заведомо готов был проиграть пари, лишь бы выяснить, какие самолеты Потемкин назвал нашими. Расчет оказался точным. Потемкин вновь приложил к уху сложенную трубочкой ладонь, на лбу его обозначились складки. Через мгновение он торжествующе посмотрел на Дубровского и сказал:

– Это «юнкеры»! Возможно, и «дорнье». Но ни в коем случае не «хейнкели».

– Да-да! Вы правы. Это «юнкеры». Куда-то в сторону Сальска направились.

– Не знаю, куда они, а я пошел в казино ужинать, – сказал Потемкин, застегнув френч и надевая поверх него ремень с кобурой, из которой торчала рукоятка массивного пистолета. – Хотите, пойдем вместе.

– Нет-нет! Мне будет неловко перед Монцартом. Он же обещал зайти за мной. К тому же Рунцхаймер поручил ему обеспечить меня хлебом насущным, так что я подожду.

– Ладно, дело хозяйское. – Он шагнул к двери.

– Простите, Алекс, а как запереть дверь, если я пойду в казино?

– Запирать не надо. Часовой никого постороннего не пустит, – ответил тот, переступая порог.

Оставшись один, Дубровский задумался. Сомнений не было. Александр Потемкин – явный предатель Родины. Даже полицаи и старосты, с которыми приходилось встречаться, делили воюющие стороны на немцев и русских. И никто из них не называл немцев нашими. А этот? «Впрочем, этого и следовало ожидать. Ведь здесь не обычная воинская часть, это даже и не комендатура. Одно слово – гестапо. И если он пришелся ко двору, значит, прошел огонь и воду. Надо все время быть настороже, обдумывать каждое слово. Жить с ним в одной комнате будет довольно опасно. Видимо, Рунцхаймер неспроста определил меня сюда на постой. А меня они еще будут проверять, наверняка будут. И не раз. Но первую, самую страшную, проверку я выдержал. – Дубровский улыбнулся своим мыслям, вспомнив холодную камеру в Алчевске и перекошенное злобой лицо майора Фельдгофа. – Теперь мы повоюем. Немного приду в себя, заживет спина – и начну действовать. Но прежде надо сообщить о себе, установить связь с Виктором Пятеркиным. Нет, нет, Виктора тянуть сюда еще рано. Поначалу необходимо подыскать ему в Кадиевке надежное пристанище. Незачем зря рисковать мальчонкой. Следует еще присмотреться, какую пользу можно извлечь из работы здесь».

В сенях кто-то уверенно ступил на деревянные половицы, и дверь распахнулась настежь.

– Господин Дубровский! Я готов сопровождать вас в казино! – отрывисто проговорил Рудольф Монцарт с порога.

– Благодарю вас! Вы так любезны! – Леонид поправил куртку под поясом и, притушив керосиновую лампу, последовал за немцем.

Весь небосклон был усеян звездами. Лишь в восточной части, у самого горизонта, светилося малиновое зарево. Оно то блекло, то разгоралось вновь с неимоверной силой, и тогда до слуха доносилась громовая поступь далекой артиллерийской канонады.

* * *

Ночью Леонид почти не сомкнул глаз. Ему казалось, что Алекс тоже не спит и наблюдает за каждым его движением. Лишь под самое утро легкая тревожная дремота окутала его, словно покрывало. Но и этот сон длился недолго. Напряженный слух уловил крики первых петухов, потом шаги часового за палисадником. Леонид поднялся с постели, начал делать зарядку. За окном расплескались яркие солнечные лучи, предвещая теплый, погожий день.

Около половины восьмого дежурный подал команду на построение. Ровно в семь тридцать против барака вытянулась небольшая шеренга сотрудников ГФП. Сам Рунцхаймер произвел перекличку и отпустил подчиненных на завтрак.

Ровно в восемь Дубровского вызвал фельдполицайсекретарь Рунцхаймер. Рудольф Монцарт, сообщивший об этом, проводил Дубровского в другой конец барака и, остановившись возле плотно прикрытой двери, робко постучал. В ответ раздался собачий лай, послышался повелительный окрик Рунцхаймера, после которого лай прекратился, и наконец сам фельдполицай-секретарь, распахнув дверь, попросил Дубровского пройти в комнату.

Поборов мимолетный страх перед огромной собакой, Леонид уверенной походкой прошел за Рунцхаймером к письменному столу. Серый пес величиной с теленка лежал у противоположной стены. Из его раскрытой пасти свисал длинный красновато-синий язык. Уши словно вымуштрованные солдаты, вытянулись по стойке «смирно». Несмотря на внушительные размеры, Гарас не казался увальнем, в нем чувствовалась легкость. Не спуская глаз с Дубровского, он готов был в любой, момент по малейшему жесту хозяина сорваться с места и ринуться на незнакомца.

Рунцхаймер обошел письменный стол, уселся на стул и в упор посмотрел на Дубровского.

– Как спали на новом месте?

– Благодарю вас! Я хорошо выспался.

– Тогда поговорим о делах, о вашей дальнейшей работе. Я хочу, чтобы вы твердо знали свои обязанности, ваши задачи. Но прежде... Прежде вам надлежит написать биографию. Таков порядок. Мы хотим знать короткую историю вашей жизни. Потом вы дадите клятву. Это тоже должно быть написано вашей рукой.

– Какую клятву, господин фельдполицайсекретарь?

– Клятву на верность великой Германии. На верность нашему фюреру Адольфу Гитлеру. Все наши сотрудники обязаны принести эту клятву верности. Но это еще не все. Необходима расписка. Вы дадите гарантию, что будете молчать обо всем, что увидите и услышите во время службы в тайной полевой полиции. За разглашение тайны, за разговоры с посторонними о нашей деятельности мы жестоко караем. Прошу помнить об этом, господин Дубровский.

– Я оправдаю ваше доверие, господин фельдполицайсекретарь.

– Хорошо! А теперь вот вам бумага. – Рунцхаймер выдвинул ящик стола и, достав оттуда маленькую стопку чистых листов, положил их на стол. – Чернила и ручка тоже здесь. Садитесь на мой стул, пишите биографию, клятву, расписку. Я вернусь через два часа, надеюсь, у вас все будет готово. Да! И еще прошу отвечать на звонки телефона. Я буду... – Он посмотрел на ручные часы. – Сейчас восемь двадцать пять... Я вернусь в одиннадцать ровно. Если позвонит полицейкомиссар Майснер из Сталино, представьтесь ему и доложите, что я выехал в тюрьму и вернусь в полдень. Вам ясно, господин Дубровский?

– Да, господин фельдполицайсекретарь!

– Вот и прекрасно. Я люблю, когда меня понимают с первого слова. А русские непонятливы. Они...

Быстрые шаги в сенях и торопливый стук в дверь прервали Рунцхаймера. Гарас метнулся к двери, наполняя комнату безудержным лаем, но властный оклик хозяина вернул его на место. Рунцхаймер выждал, пока пес лег на подстилку, и только тогда разрешил войти.

В дверях показался Александр Потемкин. На руке у него висела плетка.

– Господин фельдполицайсекретарь, вы приказали...

– Да-да, Алекс! Сейчас вы поедете со мной в тюрьму. Туда доставили одного бандита. Вы мне поможете допросить его.

– Слушаюсь, господин фельдполицайсекретарь! Разрешите сообщить об этом фельдфебелю Квесту: К нему сейчас привели арестованного коммуниста, а фельдфебель Квест приказал, чтобы я переводил при его допросе.

– Да-да! Передайте Квесту, пусть возьмет переводчика в русской вспомогательной полиции. А вы поработаете сегодня со мной.

– Слушаюсь!

Потемкин скрылся за дверью.

Рунцхаймер поправил кобуру. Подойдя к собаке, бросил кусок сахара, который пес ловко поймал на лету, и, повернувшись к Дубровскому, проговорил подчеркнуто вежливо:

– Надеюсь, общество моего Гараса доставит вам истинное удовольствие. Нет-нет! Не волнуйтесь. Гарас исключительно деликатен. Он постарается не замечать вашего присутствия. Садитесь и работайте спокойно. Гарас не сделает вам ничего плохого до тех пор, пока вы не попытаетесь выйти отсюда. До моего возвращения вам придется провести время в этом кабинете.

– Слушаюсь, господин фельдполицайсекретарь! Я обещаю не покусать вашу собаку.

– О-о! Мне нравится ваш юмор, господин Дубровский. Я ценю веселых людей. Среди русских это такая редкость.

За окном послышался шум работающего мотора, шуршание шин по шлаковой дорожке.

– Это, кажется, мой «мерседес». Итак, желаю найти общий язык с Гарасом, господин Дубровский. Это пойдет вам только на пользу.

Через минуту хлопнула дверь автомобиля, мотор взревел на больших оборотах, и зашестели шины. Вскоре лишь медленные шаги часового доносились со двора тайной полевой полиции.

Оторвав от окна взгляд, Леонид опустил на стул, посмотрел на собаку. Гарас неотрывно следил за каждым его движением. Склонив голову набок, полуоткрыв пасть, он изучающе поглядывал на него, будто ожидая дальнейших распоряжений.

Леонид придвинул поближе стопку бумаги, принялся писать автобиографию, припоминая версию о трагической гибели отца от руки чекистов, о безрадостной жизни в Советской России.

Закончена очередная фраза, поставлена точка. Леонид задумался. В памяти возник образ матери. В детстве она часто рассказывала ему об отце. С ее слов Леонид знал, что отец сражался на фронтах гражданской войны, был комиссаром и трагически погиб в борьбе с белополяками. Всю жизнь он гордился отцом, не раз клялся быть достойным его подвигов. И вот на тебе... Приходится изворачиваться, придумывать небылицы о жестокости большевиков, о расстрелянном отце, о жажде мести.

Леонид отложил в сторону ручку, оперся локтем о стол, обхватил голову руками. «Ничего, ничего, – успокаивал он себя. – Все это надо для пользы дела. Я обязан усыпить их бдительность. Обязан войти в доверие. Иначе грош цена всей моей деятельности».

Успокоившись, он заставил себя дописать автобиографию. Перечитал ее от начала до конца. Все выглядело довольно убедительно, и, главное, эта автобиография не отличалась от той, которую он писал уже однажды у немцев, работая переводчиком в Чернышковской коммандатуре.

Обдумывая, с чего бы начать расписку о неразглашении тайны, Леонид обратил внимание на то, что один из ящиков письменного стола немножечко приоткрыт. Рука невольно потянулась туда, к металлической ручке, и Леонид выдвинул ящик наполовину. Довольно громкое, но незлобное рычание напомнило ему о собаке. Отдернув руку, он посмотрел на Гараса. Тот продолжал лежать в прежней позе, положив голову на вытянутые передние лапы, и пристально наблюдал за каждым его движением.

Леонид заглянул в ящик. Там, разложенные с немецкой аккуратностью, лежали стопка чистой бумаги, несколько остро отточенных карандашей, самопишущая ручка, коробка со скрепками, две небольшие обложки с патронами и маленький пистолет «вальтер».

«Забыл или доверяет? А может быть, оставил специально, чтобы проверить? – И Леонид вновь обратил внимание на то, как подчеркнуто аккуратно размещены все эти вещи в ящике стола. – Конечно же проверяет. И видимо, это только начало. Впереди еще много различных проверок. Надо ухо держать востро, тут недолго и оступиться. А расплата одна – жизнь, – вспомнил он слова капитана Потапова и подумал: – А как бы поступил капитан, если бы оказался сейчас на моем месте, за этим письменным столом?»

Леонид неторопливо протянул руку к другому ящику и, не спуская глаз с Гараса, попробовал потянуть за ручку. И второй ящик оказался незапертым. В нем, одна на другой, лежали папки с протоколами допросов. Леонид не стал брать их в руки. Он лишь приподнял верхнюю и, убедившись, что под ней точно такая же, плотно задвинул ящик.

Когда клятва на верность фюреру и великой Германии и расписка о неразглашении тайны были готовы, Леонид посмотрел на часы. До возвращения Рунцхаймера оставалось еще двадцать минут. Внимание его привлек настольный календарь. На листке значилось двадцать седьмое апреля.

«Ровно месяц прошел с того дня, когда мы с Пятеркиным перешли линию фронта, – вспомнил Леонид. – Ровно месяц. Где теперь Виктор? Если дошел до Потапова, то должен уже вернуться к сестрам Самарским в Малоивановку. А от них узнает, что я арестован и... с этим известием вернется к Потапову. Да, все это малоутешительно. Надо как-то известить

Самарских, что я здесь, в Кадиевке. А как? Найти подходящего человека, чтобы отправить его в Малоивановку, не так-то просто. На это может уйти много времени. Пожалуй, и сейчас уже поздно. Пятеркин мог не дожидаться и вернуться к Потапову. Постой-ка, постой-ка... А что, если написать Самарским письмо и отправить его обычной почтой? Ведь никаких секретов передавать не надо. Напишу, что жив и здоров, работаю в Кадиевке, сообщу адрес. Простое, дружеское письмо к людям, с которыми познакомился во время своих скитаний. Даже немецкий цензор не заподозрит. Но зато для Пятеркина будет ясно, что я на свободе, работаю в Кадиевке. Ход верный. И не грозит никакими последствиями».

Леонид торопливо взял ручку и написал коротенькое письмо сестрам Самарским. Листок он сложил вчетверо, спрятал его в карман, рассчитывая отправить при первой же возможности. Стрелки часов показывали без десяти минут одиннадцать, когда Гарас вскочил со своей подстилки, подбежал к двери и уселся возле нее, поглядывая то на Леонида, то на закрытую дверь. Прошла минута-другая, а Гарас все продолжал терпеливо сидеть у двери, время от времени повиливая приветливо хвостом. Леонид машинально начал переворачивать назад листочки календаря. На одном из них он обратил внимание на лаконичную запись: «Сгорел маслозавод. На месте пожара обнаружен труп господина Меса. Голова пробита тупым предметом. Вероятно, диверсия».

Едва Леонид успел прочесть эту запись, как Гарас поднялся на задние лапы, уперся передними в дверь и, распахнув ее настежь, улегся возле порога. С улицы послышался рокот автомобильного мотора, и «мерседес» Рунцхаймера остановился против окна.

«Вероятно, диверсия, – повторил шепотом Леонид. – Быть может, здесь, в Кадиевке, действуют советские патриоты? – подумал он. – Наде попытаться установить с ними связь». Сердце учащенно забило. Он водворил страницы календаря в прежнее положение и приготовился к встрече своего шефа.

Глава 4

Виктор Пятеркин пролежал в походном госпитале шесть, дней. На молодом теле рана затягивалась быстро. Через четыре дня после ранения Виктор уже ходил, помогал сестрам ухаживать за ранеными, читал им из газет сводки Советского информбюро.

За это время капитан Потапов дважды приезжал в госпиталь и подолгу беседовал с Виктором, выясняя мельчайшие подробности его путешествия по вражеской территории, уточняя маршруты следования гитлеровских войск, места скопления танков и другой техники, о которых в короткой записке доносил Дубровский.

Вскоре капитан Потапов приехал вновь и увез Виктора в санаторий фронта, разместившийся в сорока километрах от Ворошиловграда.

– Вот здесь и поживешь дней двадцать, – сказал он, когда дежурная сестра проводила их в просторную, светлую комнату и показала Виктору его кровать, стоявшую возле самого окна.

– Почему так долго, Владимир Иванович? Меня ведь Борисов ждет. Я ему обещался через десять дней назад воротиться...

– Ничего, ничего. Он и двадцать подождет, раз так надо.

– Борисов-то подождет, да только война ждать не будет.

– Что? Что ты сказал?

– Говорю, война ждать не будет, – повторил Пятеркин. – Может, Борисов для вас какие-нибудь важные сведения приготовил. А вы меня тут двадцать дней держать собираетесь. Я же поправился. Еще дней пять – и могу идти. Ладно, Владимир Иванович?

И столько мольбы слышалось в голосе паренька, такая надежда сквозила во взгляде, что Потапов не мог ответить отказом.

Потапову не хотелось огорчать паренька, поэтому он умолчал о том, что уже подготовил другого разведчика, который в ближайшие дни отправится вместо Пятеркина за линию фронта,

отыщет в Малоивановке сестер Самарских и через них установит связь с Леонидом Дубровским. По предложению Потапова этот разведчик еще вчера приехал во фронтовой санаторий. Он хотел ненароком познакомиться с Пятеркиным, чтобы выпросить у него, каким путем лучше добраться до Малоивановки, как выглядит дом сестер Самарских, узнать о поведении немцев за фронтовой полосой.

– Ну что ж, – сказал Потапов Пятеркину. – Скоро Первомайский праздник. Давай договоримся так. Первое мая отпразднуем здесь, а второго соберем тебя в путь, к Борисову. Хорошо?

– Ладно... Мне что? Я – как вы скажете...

– Вот и чудесно! А теперь пойдем. Проводишь меня до машины.

По широкой каменной лестнице они спустились со второго этажа, миновали вестибюль со старым, выщербленным паркетом и вышли на большую площадку с пустыми цветочными клумбами, отделявшую здание санатория от зеленеющего парка.

– Владимир Иванович! А раньше, до войны, что здесь было?

– И раньше был санаторий. Только не военный, а угольщиков. Шахтеры тут отдыхали. Во время оккупации немцы под госпиталь это здание приспособили. А мы снова санаторий открыли – для выздоравливающих воинов. Пусть набираются сил перед решительным наступлением.

– А когда оно будет, Владимир Иванович?

– Не знаю – когда, но знаю точно – будет. Хотя, как Дубровский пишет, немцы тоже к наступлению готовятся. Кстати, когда вы в Малоивановке ночевали, с каким он там капитаном разговаривал?

– Такой толстоватый? С небольшой лысиной. Фамилия – Дитрих. Это я точно запомнил. Дядя Леня с ним полночи просидел. Немецкий шнапс они пили. Меня-то он спать отправил, а сам с ним все разговаривал. А утром... Я ж вам рассказывал! Утром дядя Леня мне говорил, что немцы под Курск много войск гонят. Говорил, что танк у них новый появился. «Тигр» называется. И броня у него такая толстая, что даже пушка не пробивает. Это он все от капитана Дитриха слышал. Я ж все это уже рассказывал, Владимир Иванович!

– Верно, верно. Рассказывал. Просто я еще раз про это услышать хотел.

Они уже подошли к маленькому автомобилю «виллис», на котором приехали в санаторий. Шофер-солдат, поджидавший Потапова возле машины, уселся за руль.

– Ну, прощай, Виктор. Мне пора. – Потапов протянул мальчугану руку. – А завтра утром встречай здесь эту машину. Я тебе сюрприз приготовил.

– Какой сюрприз, Владимир Иванович?

– По матери-то небось соскучился?

– Немножко соскучился, – стыдливо проговорил Виктор.

– Вот на этой машине завтра утром к тебе ее и привезут. Повидаешься. Я еще в госпиталь собирался ее доставить, да побоялся. Не хотел ее зря волновать. А теперь ты герой. Если сам не скажешь, она и знать не будет, что тебя пуля задела.

– Спасибо, Владимир Иванович! Вы только ей не говорите, что я второго мая опять туда собираюсь.

– Ни в коем случае! Это, брат, наша тайна, – сказал Потапов без тени улыбки. Закинув ногу, он уселся в машину, помахал рукой. – Ну, отдыхай пока. Будет время, я еще к тебе загляну.

– До свидания, Владимир Иванович!

«Виллис» тронулся с места и покатил к покосившимся воротам. А Виктор еще долго стоял, провожая его взглядом, пока не осела пыль, поднятая скрывшимся за поворотом автомобилем.

До вечера Виктор Пятеркин перезнакомился со многими солдатами и офицерами, отдыхавшими во фронтовом санатории. Поборов застенчивость, он даже сам заговорил с девочкой,

которую звали Таней. Поначалу он стеснялся к ней подойти и всякий раз опускал глаза, когда она на него смотрела. Но его все больше и больше привлекала кобура, которую Таня носила на широком военном поясе. На вид Тане было не больше пятнадцати-шестнадцати лет, на ней было обыкновенное платье, и этот пистолет на широком поясе никак не вязался с ее сугубо гражданским видом.

От лейтенанта Пархоменко, забавного и веселого человека, Виктор узнал, что Таня партизанка, с простреленным легким была доставлена самолетом на Большую землю, а теперь окончательно поправилась и скоро вновь улетит к партизанам. Григорий – так звали лейтенанта Пархоменко – первым познакомился с Виктором. Был он невысок, широкоплеч, улыбка, казалось, никогда не сходила с его лица. Подойдя к Виктору, он молча показал ему пятак на своей заскорузлой ладони, потом положил пятак себе в рот, за щеку, а вытащил его из-за уха.

И только после этого проговорил:

– Ловкость рук – и никакого мошенства!

Виктор недоверчиво посмотрел в его карие, с лукавинкой, глаза, улыбнулся и спросил:

– А еще раз можете?

– Добре. Только сперва пятак отдай.

– Он же у вас в руке! – удивленно проговорил паренек.

– Где? – лейтенант разжал руку. На его шершавой ладони ничего не было. – Ты, хлопец, на меня не кивай. Пятачок у тебя в кармане лежит. – С этими словами он полез к Виктору в карман куртки и вытащил все тот же пятак.

– А как это? – только и сумел от удивления проговорить Виктор.

– Очень просто. Будешь со мной дружить, я тебя еще и не таким фокусам научу.

Виктор последовал за лейтенантом Пархоменко в парк. Назвавшись разведчиком, лейтенант рассказал Виктору, как не раз брал в плен «языка». Причем все немцы, которых приходилось ему доставлять в свой штаб из-за линии фронта, были почему-то тяжелыми и толстыми, и у каждого почему-то подкашивались ноги от страха. По словам лейтенанта Пархоменко, выходило, что взять «языка» – дело плевое, а вот дотащить его на себе до расположения наших войск – самая трудная задача.

Рисуя мельчайшие детали своих походов за «языком», лейтенант Пархоменко красочно жестикулировал, на лице его появлялась гримаса страха, закатывались глаза, когда он копировал захваченных им немцев. Причем раньше чем начать какую-либо новую историю, лейтенант Пархоменко расспрашивал Виктора о его боевых делах. Поначалу паренек отмалчивался. Но однажды лейтенант сказал:

– Ты небось и немца-то живого не видел. Виктор насупился и проговорил:

– Видел. И не одного.

– Небось пленных?

– И вовсе не пленных.

– Где ж ты их видел?

– На той стороне.

– Ишь ты! Партизанил, что ли?

– И вовсе не партизанил, а был связным у секретаря подпольного обкома.

– Вона куда махнул. Кто же тебе такое дело доверил?

– Моя школьная учительница. Она его задания выполняла. А я эти задания ей передавал и опять же ему докладывал.

– Молодец, и на том спасибо. Только я думал, раз тут находишься, значит, в бою побывал.

Виктору очень хотелось рассказать лейтенанту, как он ходил с Дубровским за линию фронта, как выполнял ответственное задание командования, как, наконец, доставил сведения о противнике. Но, помня, что никому не имеет права говорить об этом, он сдержался и робко ответил:

– Не. Я в бою не был. А сюда меня отдохнуть привезли на несколько дней.

Чувствуя, что паренька не так легко вызвать на откровенность, лейтенант Пархоменко решил схитрить.

– А я прошлой осенью в такой переплет попал, что еле ноги унес. Немцы нас в селе Малоивановка окружили...

– Где, где? – перебил Виктор.

– В Малоивановке. Это неподалеку от Алчевска, раньше он Ворошиловском назывался. Виктор насторожился.

– Так вот, – продолжал Пархоменко, – окружили нас немцы в этом селе. Жаркий бой разгорелся. Нас всего рота, а их не меньше двух батальонов. И решили мы биться до последнего, в плен не сдаваться. А у них минометы, садят по селу из всех калибров. Половина хат горит, а мы все отстреливаемся, немцев не подпускаем.

– Неправда это, – спокойно проговорил Виктор.

– Почему неправда? Думаешь, я вру?

Впервые за весь разговор лейтенант Пархоменко перестал улыбаться.

– Может, и не врете, а неправда это.

– Ну, почему же ты мне не веришь?

– А потому, что я был в Малоивановке. Там ни одной хаты погоревшей нет.

– Так, может, ты до войны там был?

– Нет. Недавно. Еще и месяца не прошло.

– Интересно, что же ты там делал, в Малоивановке?

– Так, по делам заходил.

– Ну, расскажи, расскажи, как она выглядит, твоя Малоивановка? Может, это совсем и не то село. Где там ночевал?

– Я не останавливался, я мимо проходил. Там все хаты целы, будто и войны не было.

Лейтенант Пархоменко больше ни слова не мог вытянуть у Виктора.

Уже несколько минут они сидели молча на скамейке парка, когда неподалеку от них прошла Таня с пожилой женщиной в форме военного врача. Вот тут-то, чтобы вновь завязать разговор, лейтенант Пархоменко и рассказал Виктору о Тане. Но разговора не получилось. Молча выслушав Танину историю, Виктор поднялся со скамейки и пошел к зданию санатория.

– Постой! Через двадцать минут обед! Пойдем вместе в столовую! – крикнул ему вдогонку лейтенант Пархоменко.

Виктор остановился, подождал, пока лейтенант подошел к нему, и в упор спросил:

– Дядя Григорий! А зачем вы мне про Малоивановку ввали?

– Вот чудак! Да разве их мало, Малоивановок? Ты в одной, видно, был, а я про другую рассказывал, – без тени смущения проговорил Пархоменко. – Я было хотел тебе показать, как фокус делается, а ты вдруг ни с того ни с сего обиделся.

– Да нет, я не обиделся. Просто сидеть надоело, – отговорился Виктор.

До самого вечера лейтенанту Пархоменко так и не удалось вызвать парнишку на откровенный разговор. Всякий раз, когда лейтенант подходил к Виктору и заговаривал с ним, тот односложно отвечал на вопросы и под различными предлогами уходил к другим отдыхающим.

Теперь все внимание паренька было уделено Тане. Нет, он еще не познакомился с ней, но, куда бы она ни шла, он неотступно следил за ней взглядом, старался держаться поближе. Ему нравилась ее походка, прямые, зачесанные назад волосы цвета соломы, большие голубые глаза, смуглое обветренное лицо с маленькой родинкой на левой щеке и даже облупившийся нос, придававший ей вид озорного мальчишки.

Виктор не мог понять, почему его словно магнитом тянет к этой девчонке. Ему казалось, что она хвастается своим пистолетом. И в глубине души он проклинал ее за это. «Подумаешь, фасонит!» – думал он. И тем не менее Таня овладела его мыслями. Он начал фантазировать,

как было бы славно, если бы они вместе оказались в тылу врага. Они могли бы выслеживать и убивать фашистов, нарушать связь, добывать ценные сведения о противнике. Но каждый раз, когда Таня посматривала на него, Виктор, будто провинившийся, опускал глаза.

Наконец вечером, перед началом кинофильма, он решился и подошел к девочке.

– Ты чего с пистолетом ходишь иль боишься кого? – сурово спросил он.

– Кого мне бояться? Просто деть некуда, вот и ношу.

– А почему не сдала? У меня-то еще в госпитале отобрали.

– А у партизан не отбирают, потому как получать потом не у кого. Этот я сама добыла. Трофейный. «Вальтер», немецкий.

– Я и сам вижу, что «вальтер». У меня точно такой был. Только я его не в кобуре носил, а в кармане.

– Прятал, что ли?

– Ага.

– От кого?

– От немцев.

Девочка рассмеялась.

– Ты чего? – обиженно спросил Виктор.

– Так просто. Забавно у тебя получилось. От немцев спрятал, а свои отобрали.

Закипавшая было злость неожиданно улетучилась, и Виктор от души засмеялся.

– На войне всякое случается, – повторил он слышанную от кого-то фразу. И тут же спросил: – А ты из него хоть стреляла?

– Нет. Не пришлось.

– Давай постреляем?

– А где?

– Там, в парке, пруд есть. Лягушек полно. Айда туда, пока не стемнело!

– А кино?

– Хорошо! Сегодня фильм посмотрим, а завтра утром постреляем.

– Ладно! – кивнула Таня. – А тебя как зовут?

– Меня? Виктор!

– А меня – Таня!

– Это я уже знаю.

– Откуда?

– Так, один человек сказал.

Словно из-под земли перед ними вырос лейтенант Пархоменко.

– Отчего молодежь носы повесила? – улыбчиво спросил он. – Пойдемте, я вам необыкновенный фокус покажу.

– Не, мы в кино собрались, – ответил и за себя, и за Таню Виктор.

– И в кино успеете, и фокус посмотрите, – настаивал Пархоменко. – Там, в столовой, еще только экран развешивают.

– А почему ты не хочешь? Пойдем, – предложила Таня.

– Не, я тут побуду. Уже насмотрелся этих фокусов.

Девочка стояла в нерешительности.

– Раз Виктор Пятеркин сказал, значит, так и будет. У него слово твердое, – спрятав улыбку, проговорил лейтенант Пархоменко.

– Откуда вы мою фамилию знаете? – насупившись, спросил Виктор.

– Вот чудак, – опять улыбнулся Пархоменко. – Ты что же, инкогнито здесь живешь? Спросил дежурную сестру – она и сказала.

Виктор не знал, что такое «инкогнито», но спрашивать у лейтенанта не стал. Его настораживала та навязчивость, с которой лейтенант Пархоменко пытался завоевать его расположение.

А тот продолжал:

– Ты, хлопчик, не дуйся. Мы еще с тобой в Малоивановке встретимся.

«Опять с этой Малоивановкой пристает», – подумал Виктор и, чтобы отделаться от лейтенанта, обратился к своей собеседнице:

– Пойдем, Таня, в зал, места займем.

– Пойдем, – согласилась девочка.

– А меня с собой не хотите брать? – крикнул им вдогонку Пархоменко.

Но ни Виктор, ни Таня даже не обернулись. На другой день лейтенант Пархоменко исчез из санатория. Виктор не видел его за завтраком, не встретил в парке, где, дождавшись мать, долго гулял с ней по причудливым аллеям. В голубом бездонном небе не было ни единого облачка, весеннее солнце нещадно палило землю, и все обитатели санатория заполнили небольшой парк.

Успокоившись после первых минут радостной встречи с сыном, Мария Викторовна без умолку рассказывала ему о последних письмах отца, о знакомых сверстниках Виктора. Поглядывая на сына, она сокрушенно вздыхала:

– Ох! Скорей бы уж все это кончилось! Отец на фронте, так ему ж нельзя иначе – военнoобязанный он. А ты-то чего? Малой еще. Неужто без тебя не побьют германца?

Виктор не знал, как утешить мать, и отмалчивался. Ему хотелось побыстрее распрощаться с ней и отправить обратно в город. К тому же из-за ложного стыда он боялся встретить лейтенанта Пархоменко (вдруг тот потом будет называть его маменькиным сынком). Именно поэтому Виктор внимательно всматривался в каждого встречного, пытаясь заранее разглядеть лейтенанта, чтобы вовремя свернуть с матерью на другую аллею. Но... лейтенанта Пархоменко нигде не было видно.

Когда же на одной из аллей показалась Таня, Виктор кивнул на нее и сказал матери:

– Видишь, девчонка, не больше меня, а в партизанах воюет.

Мария Викторовна глубоко вздохнула и ничего не ответила. Не более двух часов провел Виктор с матерью, а когда она уехала, побежал разыскивать Таню. Нашел он ее в парке. Девочка одна сидела на скамейке и читала книгу. Виктор подсел к ней и спросил:

– Чего читаешь?

– «Войну и мир», – не отрываясь от книги, ответила Таня.

– Интересно?

– Ага...

– Ты кем хочешь быть, когда вырастешь? – неожиданно спросил Виктор.

Таня подняла свои голубые глаза и пристально посмотрела на Виктора.

– Я – врачом. Людей лечить буду. А ты?

Виктор не ожидал встречного вопроса и несколько замешкался.

– Ну, кем же ты будешь? – настойчиво повторила Таня.

– Хочу в летчики, – неуверенно сказал он.

– Наверно, вчера, после кинофильма, решил?

– Не, я этот фильм до войны видел. Еще в школе с ребятами пели про любимый город.

– А какой твой любимый город?

– Ворошиловград и... Москва. После войны обязательно, поеду в Москву, посмотреть хочется...

– Я Харьков люблю. Перед войной один раз там с отцом была, на всю жизнь запомнила.

– А живете где?

– Село Валки. То между Харьковом и Полтавой.

Таня замолчала, видимо вспомнив родные места. Притих и: Виктор. Некоторое время ребята сидели молча.

– Айда на пруд лягушек стрелять! – предложил вдруг Виктор.

– У меня патронов мало.
– Сколько?
– Две обоймы, по семь штук.
– Подумаешь, одну расстрелять можно.
– А как семь на двоих поделим?
– Твой пистолет, значит, четыре – тебе, а мне – три. – Видя, что Таня колеблется, Виктор проговорил: – Ну не жадничай... Пойдем... Я загадал...
– Что загадал?
– Если хоть в одну лягушку попаду, буду летчиком, а если нет, значит, не судьба.
– Эх ты, а еще в летчики захотел... У летчиков знаешь какой характер? Им все нипочем. Летчик решит что-нибудь – обязательно своего добьется.
– Откуда ты знаешь?
– А вот знаю. У нас в отряде был один летчик. Сбили его под Киевом. Я его дядей Васей звала. Так он что скажет – обязательно сделает. Задумал раз мину смастерить – и смастерил. Потом этой миной немецкий эшелон под откос пустил.
– А что? Я просто так загадал, – оправдываясь, перебил ее Виктор. – Могут и по здоровью не взять. Айда, пойдем постреляем.
– Ладно уж, уговорил! – рассмеялась Таня.
Она сорвала с ветки зеленеющий молодой листочек и, заложив им страницу, захлопнула книжку.
– Только, чур, я первая буду стрелять, – тихо сказала она, поднимаясь со скамейки.
– Ладно! – согласился Виктор. – Твой пистолет – тебе начинать.
Вскоре со стороны пруда послышались редкие одиночные выстрелы.

* * *

Капитан Потапов приехал в санаторий во время завтрака. До Первого мая оставалось еще два дня, и появление Потапова в столовой было для Виктора Пятеркина полнейшей неожиданностью. Завидев его еще в дверях, Виктор выбежал из-за стола.
– Здравствуйте, Владимир Иванович! Вы кого ищите?
– Никого не ищу. К тебе в гости пожаловал, – сказал Потапов, не выпуская руку паренька из своей огромной ладони.
– Пойдемте завтракать.
– А у тебя что, лишняя порция есть?
– Не-е, здесь официантки хорошие. Мне всегда добавку дают, когда попрошу. Чего-нибудь и для вас найдут.
– Нет, Виктор, спасибо. Я уже завтракал. А ты иди доедай. Я тебя в садике подожду. Разговор у нас будет с тобой серьезный.
Виктор опустил глаза.
– Небось из-за лягушек, – пробурчал он виновато.
– Какие лягушки? – не понял Потапов. – Иди, иди. Ешь. Поговорим после завтрака.
Он подтолкнул Виктора к столу, а сам повернулся и направился к выходу.
«Уже нажаловался», – подумал Виктор, вспомнив скандал, который учинил начальник санатория ему и Тане за стрельбу по лягушкам. Тогда Виктор был счастлив, что убил не одну, а целых две лягушки. Но радость эта была омрачена появлением возле пруда какого-то майора, оказавшегося начальником санатория. Тот накричал и на Виктора, и на Таню, грозил выгнать обоих из «лечебного учреждения». Эти слева особенно запомнились Виктору. А потом, пригласил их к себе в кабинет, записал, из каких частей они сюда прибыли, обещал сообщить

командованию об их поведении, а под конец забрал у Тани пистолет и спрятал его в свой сейф...

Больше всего Виктр переживал за Таню. Он чувствовал себя виновником всех ее неприятностей. И не знал, как искупить перед ней вину. К счастью, на другой день Таня уже забыла о происшедшем и сама позвала Виктора прогуляться до пруда, а вскоре история со стрельбой по лягушкам и у Виктора вылетела из головы.

Теперь же неожиданное появление капитана Потапова заставило его вновь вспомнить об этом. Доедая котлету с макаронами, Виктор думал о том, что скажет капитан Потапов. «Небось будет стыдить. А может, и не пустит больше к Дубровскому». Обжигаясь горячим чаем, Виктор выпил всего полстакана и выбежал из столовой.

Капитан Потапов прогуливался неподалеку.

– Ага, уже подкрепился? – спросил он, завидев паренька; Виктор молча кивнул.

– Ну, тогда пройдемся по парку. – Потапов положил рук Виктору на плечо. И этот жест, и ласковый голос капитана, казалось бы, не предвещали ничего плохого. – Ты лейтенанта Пархоменко помнишь?

Виктор был готов к любому вопросу, но этот оказался для него столь неожиданным, что, прежде чем ответить, он удивленно посмотрел на Потапова.

– Ты молодец, – сказал тот. – Язык за зубами держать умеешь. Это похвально. Лейтенант Пархоменко на ту сторону собирался, поэтому и спрашивал у тебя про Малоивановку. Ну да ладно, другой человек нашелся, рассказал ему все, что нужно. Только теперь ему это уже ни к чему. – Потапов глубоко вздохнул, помолчал немного и продолжал: – Война, брат, ничего не поделаешь. Нет больше лейтенанта Пархоменко. Погиб при переходе линии фронта.

Виктор ничего не ответил. Комок подкатил к горлу, на глаза навернулись слезы.

– Он о тебе хорошо говорил. Сказал: «Этот хлопчик мне по-душе. Я бы с ним в любую разведку пошел». А сам не дошел... – Потапов молча подвел Виктора к первой попавшейся скамейке и предложил: – Присядем, сынок.

Он впервые так назвал Виктора, и тот понял, что никакого разноса за лягушек не будет. Они сели рядом. В парке было тихо. Где-то в листве весело щебетали птицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.